

18+
Сергей Юрьев

Миссия

18+

Эликсир

Юрий Харлампиевич Юрьев

Миссия. Эликсир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70623424

ISBN 9785006288102

Аннотация

Андрей Столяров был бойцом, но судьба свела его с известным лекарем. Теперь, преодолевая всевозможные мистические препятствия, он изучает искусство исцеления людей. Продолжая заниматься своим саморазвитием, он приобретает новые необычные способности, позволяющие ему взглянуть на мир другими глазами. Однако Темные силы по-прежнему не оставляют его в покое. Борьба добра со злом продолжается и в этом Андрею помогают новые друзья.

Содержание

Юрий Юрьев	5
М И С С И Я	6
КНИГА 2	7
ЭЛИКСИР	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1	9
Глава 2	29
Глава 3	51
Глава 4	74
Глава 5	90
Глава 6	112
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Миссия Эликсир

**Юрий Харлампиевич
Юрьев**

Дизайнер обложки Анна Александрова Скрипаль

© Юрий Харлампиевич Юрьев, 2024

© Анна Александрова Скрипаль, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-8810-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрий Юрьев

**МИССИЯ
РОМАН-ТРИЛОГИЯ**

КНИГА 2

ЭЛИКСИР

События и персонажи вымышлены. Любые совпадения имен и событий с реальностью являются случайными.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Пищеварительная система, сердечно-сосудистая система, железы внутренней секреции... Уф, – вздохнул Андрей и, прикрыв толстую книгу, ещё раз взглянул на её старенькую, побывавшую не в одних руках, обложку. На выцветшем и потёртом от времени переплёте всё же ещё можно было прочесть название – «Анатомия и физиология человека». Кто бы мог подумать, что ещё каких-то полгода назад обычный столяр, с созвучной его профессии фамилией Столяров, будет изучать вот эту книгу, предназначенную для медиков.

Всё началось с появления в его жизни Учителя, которым являлся не простой смертный, а сущность, пришедшая из мира Слави – потустороннего мира, где живут наши далёкие предки, достигшие высоких ступеней духовного развития. Его появление оказалось для Андрея далеко не приятным. То, что пережил в те памятные несколько ночей Андрей Борисович Столяров, тогда ещё двадцати семи лет от роду, вспоминалось сейчас, как страшный сон. Если быть точным, то вспоминать и думать о событиях тех нескольких дней и ночей он теперь вообще не хотел. Как выяснилось позже, кошмар этот он переживал из-за того, что за послед-

ние годы слишком запустил своё, некогда развитое физически, тело, и сущность из Высших Светлых миров интенсивно проводила его чистку. Процесс этот был не столько болезненный, сколько сопряжённый с эмоциональным напряжением, из-за возникающего непреодолимого чувства страха, а точнее даже ужаса, ночью и постоянным обдумыванием, и бесплодными попытками проанализировать всё происходящее днём.

Занялись его персоной неспроста. Позже он выяснил, что родился или, как некоторые говорят, пришёл он в этот мир с определённой миссией, которая заключалась в том, чтобы каким-то образом помогать людям в наступающий переходный период – в период смены двух эпох. В чём должна была заключаться эта помощь, он тогда вообще не понимал, хотя, если честно себе признаться, сейчас он понимал ненамного больше. Однако, определённые контуры и направление, в каком он должен двигаться, всё же обрисовались.

Силы Тьмы также не дремали. Они знали о приходе необычного человека, который явится как противовес их тёмным деяниям, а потому предприняли немало усилий и средств на розыск этого ребёнка, для того, чтоб уничтожить опасного соперника ещё в малом возрасте. Из-за ошибок и неверных предположений, а может и каких-либо погрешностей в расчётах Аннунаков, в своё время пострадала и семья лекаря Никодима Савченко, который сейчас и пригласил Андрея к себе в ученики. Древние родичи из Ми-

ра Слави оказались мудрее и перехитрили Тёмных. Они договорились с другим, не менее знатным, Родом, и ребёнок родился в семье, не имеющей никакого отношения к знахарству, в семье обычных, ничем неприметных граждан. Далёкие предки из этого Рода славились как мастерством по работе с деревом, так и воинскими искусствами, поэтому и немудрено, что с детства Андриюше нравилось работать с древесиной. Он мог часами просиживать с ножом в руке, вырезая замысловатые фигурки из коряг и сучков, которые отыскивал в парках и дворах. Родители не придавали большого значения такому увлечению сына, но он, выучившись на столяра и поступив на работу, вскоре приобрёл хороший опыт и добился не только высокого мастерства в своей профессии, но и уважения коллектива. Развивался Столяров и физически, записавшись для собственного самоутверждения в секцию каратэ. Занятия этим серьёзным видом спорта закалили его характер и помогли без проблем пройти срочную службу в армии, где Столяров, служа в спортроде, добился ещё некоторых успехов в любимом виде спорта.

Однако его спокойной и размеренной жизни долго продлиться было не суждено. Всё пошло наперекосяк, когда сначала в автокатастрофе погибли его родители, а затем от него ушла его, теперь уже бывшая, жена Катерина. Для Андрея это были два очень болезненных удара, и, чтобы как-то скрасить своё одиночество, он присоединился к компании друзей детства, ежедневно, после работы, просиживая с ними

за бокалом пива, а иногда и чего-нибудь покрепче. Так бы, возможно, всё и продолжалось неизвестно сколько времени, если бы не вмешательство Высших Сил. Они-то и притормозили его на начальном этапе крутого спуска, по которому многие скатываются на самое дно жизни.

Вспоминая и сравнивая то, как он жил раньше, и как прошли последние несколько месяцев, Андрей иногда не мог представить, что всё это происходило с одним и тем же человеком, и этим человеком был он. Его жизнь, прошедшая после появления Учителя, была просто перенасыщена и уплотнена всевозможными событиями. Ежедневные тренировки, приобретение сверхспособностей, загадочные смерти обоих его друзей, нелепая смерть его самого с последующим воскрешением, а затем ещё масса других происшествий и событий... Сейчас казалось, что эти летние месяцы были длиннее всей остальной его прошлой жизни. Будто время, которым он, кстати, также научился управлять, растянулось как сверхэластичная резина чуть ли не до бесконечности, и часы превратились в дни, а дни – в года.

То ли случайность, в которую Столяров уже не верил, то ли судьба, что было более реально, сблизили его с директором мебельного комбината, до развала Союза служившего в КГБ. Олег Витальевич Игнатов, так звали директора, пригласил его, как хорошего специалиста, поработать на отделке своей дачи под старину, с чем Андрей, не без участия всё тех же Высших Сил, справился превосходно. Работая у сво-

его шефа, он не терял времени зря и взял несколько уроков у начальника службы охраны – китайского мастера по тайцзи-цюань Лю Лонгвея. Тем самым Андрей не только повысил своё мастерство в боевых искусствах, но и приобрёл новые, более глубокие знания по энергетике и работе с внутренней энергией, о которой уже имел определённые представления. Там же, на даче, он познакомился с замечательным человеком – поваром дядей Гришей, так же, как и Игнатов – бывшим работником «конторы». Ну и, конечно же, самым приятным событием в этом насыщенном отрезке его жизни было знакомство с красивой и скромной деушкой Светланой, которая присматривала за ним в больнице, когда он лежал в реанимации после аварии. Эта девушка была яркой противоположностью его первой супруге и сразу же приглянулась Столярову. К счастью, их симпатии оказались взаимными, что было весьма приятно молодому человеку.

Андрей отложил книгу в сторону и прикрыл уставшие от долгого чтения глаза. Потёр ладошки друг о друга и когда почувствовал, что они стали горячими, и в них собралось достаточное количество энергии, приложил к своим векам. Приятное тепло, потёкшее из рук, быстро сняло усталость и болезненность. В эти дни ему приходилось очень много читать. Его память сейчас была намного лучше, чем прежде, поэтому Столяров буквально впечатывал в неё мегабайты информации, которая нужна была для освоения новой профессии – профессии лекаря. Выбор новой профессии, в кор-

не отличающейся от его прежней работы, был вовсе не прихотью скучающего от безделья человека. Это был осознанный шаг, который Андрей сделал, благодаря проснувшейся Родовой памяти. Только теперь, обучаясь у знахаря Савченко Никодима Георгиевича, он начал догадываться каким образом сможет помогать людям в это трудное для них время. Восстанавливая здоровье, целитель не только улучшает самочувствие пациента, он даёт ему шанс на дальнейшее развитие. Те люди, которые это понимают и начинают сами интенсивно работать над собой, не просто быстро исцеляются, они продолжают жить здоровой и полноценной жизнью. Печальная участь ожидает тех, кто полагается только лишь на способности лекаря и на микстуры, которые тот им выпишет. У таких людей и лечение проходит труднее, и болезнь вскоре может вернуться, да ещё в более тяжёлой форме, чем раньше. Ну, что ж, каждый делает свой выбор сам, и здесь целитель уже не в силах что-либо изменить.

Андрей подошёл к окну, за которым уже несколько дней подряд шёл холодный осенний дождь. Несмотря на непогоду, посетителей у его учителя и наставника меньше не становилось. Разочаровавшись в современной медицине, которая кроме таблеток и операций, стоящих огромных денег, не могла больше ничего предложить, люди искали шанс обрести здоровье у нетрадиционных лекарей. Если уж быть достаточно объективными, то именно народная медицина и являлась исконно традиционной, существующей на Земле уже

многие века. Вот только интенсивно развившаяся в прошлом веке фармакологическая индустрия и пользующаяся её продукцией медицина потеснили травников и прочих народных целителей, заменив химическими препаратами натуральные природные средства оздоровления, а вытеснив их, провозгласила себя традиционной.

В небольшой комнате для ожидания обычно не хватало места всем желающим попасть на приём к Савченко, а потому несколько человек стояло под навесом во дворе. Андрей наблюдал, как будущие пациенты о чём-то тихонько переговаривались между собой. О чём они говорили, через оконные стёкла слышно не было, но догадаться о теме беседы было совсем нетрудно. Тема здесь всегда была одна – здоровье своё, здоровье детей, здоровье близких родственников. Люди тихонечко делились испробованными рецептами, обсуждали свои проблемы и с надеждой поглядывали на окна дома, в котором надеялись от этих проблем избавиться.

* * *

– Ну, здравствуй, Андрюша, – пожилой мужчина с добрыми и немного грустными глазами крепко пожал руку гостю, пристально вглядываясь профессиональным взглядом целителя в его лицо.

– Здравствуйте, – ответил Столяров на приветствие хозяина дома.

– Вот, привёз вам ученика, как договаривались, – вклинился в разговор, стоявший рядом Игорь, водитель машины,

на которой они приехали. – Ну, вы тут общайтесь, а я назад.

– Игорёк, зайди, хотя бы чайку попей, Настенька уже всё приготовила, – предложил лекарь, хотя уже предвидел ответ, который получит.

– Спасибо, Никодим Георгиевич, может в следующий раз, а сегодня – дела.

– Ну, что ж, как знаешь, неволить не буду.

– Всего хорошего, – коротко попрощался Игорь, пожал обоим мужчинам руки и направился к калитке. – Сегодня приёма нет, – слышался его голос, прозвучавший уже из-за забора, – читать умеете, здесь же ясно написано.

Негромко рыкнул двигатель заведённого автомобиля, и слышался лёгкий шелест шин по асфальту, словно ветер смахнул залежавшиеся осенние листья с садовой дорожки. Лекарь, проводив посетителя взглядом, вновь повернулся к Андрею и, улыбнувшись ему краешками губ, сказал, словно оправдываясь:

– У меня выходных, практически, не бывает. Всегда найдётся хоть один человек, нуждающийся в неотложной помощи. Сегодня, ради твоего приезда, решил отложить всё и, наконец, по-настоящему отдохнуть в свой законный выходной, ну и уделить тебе в первый день больше времени.

Глаза Савченко перестали сканировать гостя, и теперь в них появился огонёк любопытства. Андрей с походной спортивной сумкой в руке стоял перед известным, среди определённого круга людей, целителем и не знал, что отве-

тить. Радость и волнение, которые он испытывал во время поездки сюда, сменились некоторым сомнением, «а получится ли у меня?» Видя, что гость немного замешкался, хозяин дома дружески хлопнул его своей тяжёлой ладонью по плечу и дружелюбно добавил:

– Ну, пойдём-пойдём, не будем терять время, нам о многом нужно поговорить, – Никодим легонько подтолкнул Андрея к порогу дома.

Дом у лекаря был довольно большой. В свой первый визит к нему, когда Столяров привозил сюда своего друга Славку, ему было не до разглядывания интерьера. Все мысли в тот день были только о здоровье товарища. Сейчас он смог спокойно рассмотреть и простенькую обстановку, ничем не выделяющуюся среди множества заурядных домов этого посёлка, и самих хозяев дома.

– Настюша, – обратился Савченко к невысокой средней комплекции женщине с каштановыми волосами, встретившей их у дверей, – вот, познакомься, это Андрей, ты, если помнишь, его уже как-то видела у меня на приёме. А это моя супруга – Анастасия Павловна.

– Очень приятно, – ответила хозяйка мягким, убаюкивающим голосом и протянула гостю руку с тонкими длинными пальцами, какие бывают у профессиональных музыкантов.

– И мне, – всё ещё немного смущаясь, сказал Столяров, аккуратно пожимая маленькую женскую ладошку.

– Проходите к столу, у меня уже всё готово, – оповестила

мужчин хозяйка, и первая заторопилась на кухню.

Следуя за ней, Андрей мысленно отметил, что одета она была несколько непривычно для современных женщин. Длинная цветная юбка до самых пят, светлая блузка, вышитая в народном стиле и накинутый на плечи тёплый плед, делали её похожей скорее на крестьянку начала прошлого века, чем на современную жительницу посёлка городского типа. Никодим же своим видом ничем не отличался от обычного прохожего на улице. Старенькие свободные джинсы и просторная футболка, скрывающая мускулистую, несмотря на возраст, фигуру, говорили о его простоте и стремлению не к вычурности, а, скорее, к удобству. Пройдя по просторному коридору, хозяйка, а за ней и остальные, свернули в левую дверь. В этой половине дома находилась кухня, санузел и жилые помещения. Справа, как помнилось Андрею по прошлому визиту – комната для ожидания и комната для приёма посетителей. Помыв руки, компания проследовала в просторную кухню, обставленную современной кухонной мебелью и оснащённую полезным бытовым оборудованием и приспособлениями. На круглом, застеленном светлой скатертью с замысловатыми узорами, столе пыхтел паром медный электрический самовар, поверх которого, словно на картинке, красовался небольшой заварочный чайник с росписью под хохлому. Рядом с самоваром стояли на блюдах три широкие чашки, напоминающие пиалы, только с ручками. В комнате стоял приятный аромат каких-то трав, по-види-

мому, исходивший из маленького чайничка, и аппетитный запах свежей выпечки.

– Присаживайтесь, Андрюша, – вежливо пригласила Анастасия Павловна, указывая на красивую резную табуретку, застеленную плотной тканью.

Когда мужчины присели, хозяйка поставила на стол румяный яблочный пирог, запах которого и вызвал у Столярова, при входе на кухню, обильное слюноотделение. Рядом с пирогом хозяйка поставила пёструю деревянную мисочку, наполненную тёмным и не менее ароматным гречишным мёдом. Пока Никодим разливал чай, она порезала пирог и только после этого тоже присела за стол.

– Андрюша, берите, кушайте, не стесняйтесь, – вновь обратилась Анастасия Павловна к гостю, увидав его нерешительность, мы любим есть пока всё свеженькое, когда постоит, уже не тот вкус.

Савченко, соглашаясь с хозяйкой, молча кивнул и бросил в её сторону тёплый, полный нежности и немного восхищения, взгляд. Столяров подметил такое проявление чувств и приятно удивился, что люди, прожившие вместе уже много лет, сохранили такие трогательные отношения.

– Да, спасибо, – ответил он и сделал небольшой глоток из чашки.

Вкус и аромат чая был приятный и ненавязчивый, что понравилось Андрею – он не любил напитки с резким вкусом и приторным запахом. Хозяйка меж тем налила чай в блюдца

и, будто чета старообрядческих купцов, потягивали из них по глоточку, запивая предварительно положенную в рот ложечку мёда. Немного освоившись, Столяров положил себе на тарелку кусочек пирога, а когда за пару укусов проглотил тающий во рту шедевр кулинарного искусства, не удержался и, отбросив излишнюю скромность, положил ещё. По лицу хозяйки было видно, что ей приятно то, что её изделие понравилось гостю. Ели молча, получая наслаждение от пищи, и только после того, как насытились, Савченко сказал:

– Ну, что ж, Андрюша, теперь давай поговорим о наших делах. Я уже имею общее представление о тебе, может быть, ты хочешь что-нибудь рассказать из того, чего я не знаю? – На Столярова вновь был устремлён профессиональный пристальный взгляд прищуренных глаз.

Андрей не стал ничего скрывать о себе. Не спеша поведал о своей жизни, об Учителе, о том, как побывал в мире своих Предков. Хозяева слушали гостя не перебивая, лишь изредка немного лукаво переглядываясь между собой. За это время все выпили ещё не по одной чашке душистого чая вприкуску с мёдом. Когда Андрей окончил своё повествование, которое он, время от времени, прерывал, делая по глоточку из своей чашки, хозяйка поднялась из-за стола и занялась на кухне своими делами. Никодим, немного понаблюдав за действиями своей супруги и что-то обдумав, сказал:

– Ну, что ж, Андрюша, вижу, что всё то, о чём мне говорил Олег, действительно, правда. Я, честно говоря, поверил

не всему, что он рассказывал, хотя и видел тебя до этого. Но, смотри ж ты, ничего не приукрасил старый разведчик, я бы сказал, что даже не досказал всего.

Савченко тихонько ухмыльнулся и по привычке пригладил ладонью ёжик своих коротких седых волос.

– Возможности у тебя, Андрюша, большие, только понимать ты должен, что и ответственность будет на тебе немаленькая. И ответственность не только за здоровье и жизнь пациента, а намного больше. Есть такое понятие, как карма. Слышал уже, наверное? – Никодим вопросительно взглянул на ученика.

Тема, которую он хотел затронуть, была довольно щекотливая, и нужно было понимать, насколько ученик подготовлен, чтобы не отбить ему в первый же день желание учиться лекарскому искусству. Столяров, по своему обыкновению, кивнул.

– Так вот, каждый целитель, как, впрочем, и любой медик, ходит, можно сказать, на грани добра и зла, только в официальной медицине этот вопрос даже не рассматривается. Сейчас поясню, – поспешил объяснить лекарь, уловив вопросительный взгляд собеседника. Вот смотри. Приходит к тебе пациент с больной рукой, не может он ей ничего делать. Ты ему, естественно, руку вылечил, это твоя работа, а он пошёл и этой рукой зарезал человека, по пьяной лавочке. Виноват убийца? Несомненно! А кто ему в этом помог? Кто руку вылечил? Вот то-то и оно. Запомни, настоящий целитель ле-

чить не руку должен, а разум, который и привёл человека к болезни. Вылечишь разум, и тот сам запустит механизмы самоисцеления в теле больного. Тогда и рука болеть перестанет, и ничего плохого он этой рукой, впоследствии, не делает.

Вот только люди-то этого и не понимают. Им с детства внушили, что если болит рука, то нужно лечить руку, болит нога – лечи ногу. Как, скажи, им объяснить, что они себе за пазуху своими мыслями и поступками столько кирпичей наложили, что от этой тяжести еле по земле ходят, и вместо того, чтобы кирпичи эти-то выбросить, облегчить Душу стало быть, они приходят и просят свои больные и уставшие ноги вылечить. Болят, говорят, ноги-то, ходить трудно. Лечи, говорят ноги, коль взялся. Так-то вот!

Савченко взял в рот немного мёда, не спеша рассосал его во рту и, прикрыв глаза, проглотил, после чего сделал пару глотков оставшегося в чашке чая.

– Я, Андрюша, – продолжил он, – с этой точки зрения, можно сказать, что не совсем правильно делаю, а иногда, может, и совсем неправильно, когда лечу всех подряд. Не могу, понимаешь, я людям отказать. Ты же видел, что у меня во дворе творится в приёмные дни? А многие ведь издалека приезжают, некоторые даже из-за границы. Вот, я вижу иногда – паршивенький ведь передо мной человечек стоит, подленькая душонка, и болячки-то у него из-за его скверного характера и скверных мыслей, а всё равно помогаю. Или вот,

ты тогда товарища привозил, вижу, что человек хороший, да только губит его привычка вредная... Как он, кстати, поживает?

– Да, в общем-то, никак, умер он, убили его, – лицо Андрея стало печальным при воспоминании о Славке.

– Вот оно как бывает, – лекарь тоже погрустнел.

– Вы ведь правы были. За него кто-то взялся серьёзно, и без стороннего вмешательства дело, скорее всего, не обошлось. И ещё вы правы, что виной всему алкоголь. Если бы не выпил тогда, в роковой день, может и живой был бы.

– Да уж, сколько эта отрава хороших людей сгубила, но, опять же, насильно никто ж не заставляет, в рот не заливает, человек сам решает – пить или нет.

– Так я не совсем понял, – Андрей вернул направление разговора в прежнее русло, – как всё-таки быть, когда человек приходит на лечение, а ты видишь, что он, скажем так, не очень хороший?

– Здесь только тебе решать. Это у медиков клятва Гипократа и прочее, а лично тебе никто на этот вопрос не ответит, а если и ответит, то это будет не твоё решение, а того, другого человека. Карма, она штука очень сложная, как и куда она повернёт после твоих действий, одному Богу известно. Скажу только одно, что слушать нужно своё сердце. Ежели ты с чистой душой, от всего сердца, помогаешь, без оглядки на то, сколько на этом заработаешь, то, думаю, и карма тебе ничего плохого не принесёт. Опять же, если видишь, что

человек не сидит на информационном наркотике, который из себя представляют современные СМИ, если он ещё способен адекватно воспринимать информацию, то всегда старайся обращаться к его разуму. Дай такие знания, которые помогут ему в дальнейшем не только обходиться без врачей, но, возможно, и всю его жизнь изменят в лучшую сторону. Мы ведь не ради денег работаем, а ради здоровья людей и, как следствие, здоровья всей нашей планеты в целом, и разум здесь играет более важную роль, чем само физическое здоровье. Ну что, я тебя ещё не разочаровал в твоём выборе?

Савченко хитро улыбнулся. Андрей покачал головой.

– Нет, – уверенно ответил он лекарю, подняв на него глаза.

– Вот и хорошо. Тогда оставим высшие материи и давай поговорим о более приземлённых вещах. Я так понимаю, ты знаком с расположением внутренних органов и их функциями?

– Расположение знаю хорошо, а вот функции, так, в общих чертах.

– Ясно. Поэтому с этого и начнёшь своё обучение. Нужно очень хорошо представлять, как каждый орган работает, как связан с другими органами, какие нарушения в работе могут быть. Для этого возьмёшь у меня книги по анатомии и физиологии и тщательно всё изучишь. Что будет непонятно, я объясню. Но только это ещё не всё. Когда хорошо проштудируешь то, что написано в книгах, тогда я тебе расскажу о том, что в них не написано. Очень много-

го современная медицина не знает, а самое печальное, что и не хочет знать. А ведь сколько опыта накоплено у народных целителей за прошедшие века. Его бы, по-хорошему, внедрять заново нужно, да только кто ж на себя такую ответственность возьмёт? Сколько толковых медиков откровенно верят, что таблетками можно вылечить человека. Таким, конечно, простительно, они чистосердечно ошибаются, хотя пациентам от такого рода заблуждения не легче. Непростительно тем, кто, практически, заставляет людей приобретать дорогие препараты, хотя сам в них даже не верит. Как говорят американцы: «Это просто бизнес и ничего личного».

Ух ты, – спохватился вдруг Савченко, взглянув на большие настенные часы, – засиделись мы с тобой однако, давай-ка я тебе покажу твою комнату, и отдыхай. Книги, которые тебе обещал, я занесу. Ну, пошли.

Никодим встал, а за ним и Андрей. От долгого сидения он и не заметил, что правая нога замлела. Теперь, резко поднявшись, Столяров чуть было не упал обратно на табурет. Лекарь понял, что с гостем произошло, но, улыбнувшись лишь краешками губ, пошёл к выходу из комнаты. Андрей, слегка прихрамывая, пошёл следом, захватив оставленную у стены сумку с вещами.

Комнат для гостей оказалось две. В одной из них и поселился новоиспечённый ученик лекаря.

* * *

Понаблюдав ещё немного через окно за ожидающими сво-

ей очереди людьми, Столяров отошёл от окна. Он вновь взял в руки книгу, которую, перед тем как погрузиться в воспоминания о недалёком прошлом, читал и вдруг, будто что-то вспомнив, вновь решил взглянуть на пациентов Никодима. Он посмотрел на тех, кто стоял во дворе. На первый взгляд ничего не изменилось: всё те же люди, всё так же беседуют, но... Андрей понял, в чём дело – не хватало одной женщины, которая была среди присутствующих ещё, буквально, несколько минут назад. Он вышел в коридор и заглянул в комнату, где ждали близкие по очереди люди. Услышав звук открываемой двери, все присутствующие, кто с любопытством, кто безразлично, взглянули на него. Женщина в тёмной куртке и джинсах, на которую Андрей подсознательно обратил внимание, когда она была ещё на улице, теперь стояла возле стены, опустив голову вниз. Казалось, что ей одной было неинтересно, кто заглядывает в дверь, так как она даже не пошевелилась при появлении постороннего человека. Бросив на неё свой быстрый сканирующий взгляд, Столяров тихонько прикрыл дверь и, постояв немного в нерешительности, вновь её открыл и уверенно направился к кабинету Никодима.

– Молодой человек, – тут же раздался женский голос из угла комнаты, – куда это вы, здесь же очередь, наверно?

Послышался приглушённый недовольный ропот присутствующих в помещении людей. В это время отворилась дверь в кабинет, выпуская пациента. Услышав возмущённые воз-

гласы, из неё выглянул и сам лекарь. Поняв в чём, а точнее в ком, причина шума, он вопросительно взглянул на Андрея.

– Я на минутку, Никодим Георгиевич, – сказал тот и быстро вошёл в комнату.

– Товарищи, успокойтесь, это не пациент, это мой помощник, – успокоил возмущённых ожидающих Никодим.

Гомон сразу утих. Лекарь аккуратно прикрыл дверь перед пытавшимся войти очередным пациентом, сделал знак рукой, чтобы тот ещё немного подождал, и вновь вопросительно взглянул на Столярова.

– Ну, что у тебя? – спросил он, и в голосе явно послышались интонации нетерпения и недовольства.

– Понимаете, в чём дело, у женщины, которая сейчас стоит у стены в комнате ожидания, онкология в ранней стадии.

– С чего ты это взял? – теперь в голосе лекаря Андрей услышал недоверие.

– Может быть вам рассказывал Олег Витальевич, что я у него обнаружил новообразование и посоветовал обратиться в больницу.

– Да, что-то слышал.

– Так вот, у этой женщины я вижу почти тоже самое, только у неё проблема в области малого таза, видимо, что-то поженски. Более точно я пока не могу сказать.

– Ты уверен? – голос Никодима стал мягче, но он пока ещё не был убеждён в правоте своего ученика.

– Когда я это в первый раз увидел у Олега Витальевича,

то ещё не понимал того, что именно я вижу, но сейчас я абсолютно уверен. Не могу сказать, как я это вижу, так как ещё сам не понимаю всего.

– Хорошо, Андрюша, спасибо. Иди, а то очередь опять возмущаться начнёт.

Вернувшись в свою комнату, Столяров с приятным чувством выполненного долга ещё раз бросил рассеянный взгляд на усилившийся за окном дождь, на хмурых людей, ожидающих своей очереди, и вновь углубился в чтение. Он понимал – насколько важно усвоить все те знания, изложенные в учебнике, чтобы качественно и профессионально уметь помогать людям.

Глава 2

– А знаешь, ты оказался прав, – Савченко откусил кусочек ещё тёплой ватрушки и запил глотком какао, заваренном его супругой на домашнем молоке, – вчера приходила твоя протеже, ну, та, что три дня назад была у меня на приёме, и ты сказал тогда, что у неё онкология.

Андрей кивнул в знак того, что помнит эту женщину и тоже принялся за свою порцию завтрака. Долго рассиживаться за столом его новый учитель не давал. Ели всегда не торопясь, но по окончании трапезы сразу расходились по своим делам: Никодим шёл в кабинет, где начинал приём, а Столяров – к себе в комнату, где зубрил всё те же две книги по анатомии и физиологии человека.

– Так вот, – продолжал разговор Савченко, – она ведь приходила ко мне совсем по другому поводу. То, на что ты обратил внимание, её вообще не беспокоило. У неё головные боли были. Пошла в больницу, там ей сделали УЗИ. Назначили лекарства, а она барышня решительная, не стала тратить деньги на химию, а напрямик ко мне, кто-то из знакомых ей адресок дал. Честно говоря, я тоже ничего особенного не нашёл. Видел, конечно, что есть небольшой блок на энергетическом канале, живот немного напряжённый, но такое у каждого второго встречается... Так что про онкологию, конечно, и не подумал бы, если бы ты тогда не сказал. Я поработал

с ней немного и по энергетике и с физическим телом. Улучшил некоторые вещи. Когда головная боль у неё прошла, и ей полегче стало, посоветовал обратиться к профессору Гольдштейну, у которого твой бывший шеф обследовался и курс лечения проходил. Так ты знаешь, если бы она не сказала, что я её направил, Яшка бы её выставил за дверь. Ну представь, у женщины спрашивают, что её беспокоит, она говорит, что голова, а обследование органов малого таза хочет сделать.

Рассказчик засмеялся и, доев ватрушку, потянул с блюда ещё одну. Андрей тоже улыбнулся, вспомнив старый анекдот про то, как пациент с больной головой пришёл в больницу. Когда у него спросили, что у него болит. Тот говорит, что голова, тогда доктор задаёт другой вопрос: «А почему повязка на ноге?», на что больной отвечает: «Сползла».

– Ага, – прожевав, продолжил Никодим свой рассказ, – получилось у неё всё в точности, как и с Олегом. Сделали ей МРТ, всё, вроде бы, в норме, но Яшка-то знает, что я просто так человека гонять к нему не буду. Присмотрелся и нашёл только-только появившиеся признаки новообразования. Звонил мне вчера, спрашивал, каким это я образом смог определить то, что на снимке не разглядеть. Я про тебя не стал говорить, лишь намекнул на то, что мы с ним можем сотрудничать, на что он мне любезно отказал, намекнув, что нечего нам деревенщине соваться в их городские дела.

Андрей удивлённо взглянул на наставника.

– Что, так вот и сказал?

Савченко улыбнулся.

– Нет, конечно, это я образно тебе сказал, чтобы понятнее было, как наша городская медицина высоко стоит над нами – народными лекарями.

– Никодим Григорьевич, – Андрей вновь вернулся к интересующей его теме, – так вы той женщине чем-то помогли, когда она определила истинную проблему?

– И да и нет.

– Это как? – удивился Столяров такому ответу.

– Всё очень просто, Андрюша. У каждой болезни есть причина на тонком плане. Слыхал, наверное, выражение, что все болезни от нервов. Так вот, психосоматика сейчас становится всё более популярной, и это не дань моде. Всевозможные переживания, стрессы, негативные мысли... Всё это накапливается у человека на ментальном плане, то есть в подсознании, ещё с самого детства, после чего уже проявляется на физическом уровне в виде какой-либо болезни. Я, в отличие от городских, – Савченко кивнул головой в сторону, где, по его предположению, должен был находиться Донецк, и явно намекая на своего знакомого Гольдштейна, – уделяю каждому человеку столько времени, сколько нужно для того, чтобы точно установить причину болезни, постараться объяснить это пациенту и сделать необходимые манипуляции, помогающие устранить эту проблему. Я поговорил с той пациенткой, выяснил психосоматическую причину её пробле-

мы, но будет она над этим работать или нет, это уже дело её. Если справится со своими мыслями и эмоциями, сможет сломать стереотипы заложенные у неё в голове, значит, я ей помог, если не справится, то увы, мой труд был напрасным. Тогда, как говорится, Гольдштейн ей в помощь. Он тоже с её проблемой, которая ещё на такой ранней стадии, вполне управится.

К столу подошла Анастасия Павловна.

– Может, ещё чего-нибудь хотите? – спросила она, обращаясь к Андрею.

За него ответил Никодим:

– Спасибо, Настюша, нам нужно поговорить.

Подождав несколько секунд, пока женщина отойдёт, сказал:

– Теперь, Андрюша, самое главное! Сегодня у тебя будет серьёзная практика.

Столяров быстро проглотил остатки пищи и сосредоточил внимание на словах наставника.

– Надеюсь, ты достаточно хорошо изучил строение и расположение внутренних органов?

Столяров кивнул.

– Тогда вот что. Сейчас я отведу тебя в старый погребок, и там, в тишине, где тебя никто не побеспокоит, ты поработаешь над медитацией погружения в себя. Твоей задачей будет постараться не только прочувствовать, но и увидеть свои внутренние органы и их работу своим внутренним зрением.

Только изучив на себе всё, до мельчайших подробностей, ты сможешь понимать, как работают организмы других людей и какие у них есть отклонения от нормы. Картинки, картинками, но по-настоящему понять, как взаимодействуют между собой внутренние органы у человека, можно только заглянув не в мёртвые ткани трупов, как в медицинских училищах, а в живой, функционирующий организм. Ну, как тебе такое задание, надеюсь, для тебя нет ничего непонятного?

– Да, вроде бы нет, – ответил Андрей, в уме уже представляя этот процесс.

– Вот и хорошо, – одобрил наставник, – тогда пошли, а то меня уже люди ждут.

Они накинули куртки и вышли во двор. Сегодня утро было солнечное, и оба на несколько секунд зажмурились при выходе из помещения. С разных сторон слышались голоса людей, прибывших на приём. Каждый, кто уже побывал здесь, старался поздороваться с врачом. Тот, с неподдельным душевным теплом, на ходу с удовольствием отвечал каждому, кто его приветствовал. Если бы не дела со своим учеником, то, возможно, он ещё бы и пообщался со своими старыми пациентами.

Отворив калитку, ведущую на огороды, мужчины подошли к небольшому навесу, укрывающему вход в подвал. Это был старый погреб, в котором, видимо, когда-то хранились запасы на зиму, и которым, судя по всему, уже давно не пользовались. Андрей и врач спустились по деревянной лест-

нице вниз. Никодим достал из внутреннего кармана толстую свечу и спички. Чиркнув по коробку, он зажёл от вспыхнувшего огонька пропитанный воском фитиль, и Андрей смог осмотреть помещение. Это был куб метра по два в каждую сторону и, примерно, столько же в высоту, по краям которого стояли стеллажи с пустыми деревянными полками. Сырость не пощадила ни металлические стойки, поедая их ржавчиной, ни дерево, которое было изрядно подгнившим и во многих местах покрыто плесенью. Воздух был тоже затхлый с неприятным привкусом кислоты. Посредине погребка лежала большая охапка свежего сена, предназначение которого казалось в этом заброшенном помещении непонятным. Однако, Андрей догадался, что кто-то из хозяев заботливо приготовил сено именно для него. Наставник не стал тянуть с пояснениями. Он поставил свечу на металлическую крышку, какими закатывают на зиму солку в бутылках, после чего указал на сено и сказал:

– Располагайся, как тебе будет удобно. Медитировать будешь до тех пор, пока не сможешь мне рассказать, как устроен организм и какие отличия живого организма от картинок, нарисованных в книгах. Сможешь увидеть всё за час, возвращайся через час, если понадобятся сутки или двое, то значит столько и будешь сидеть. Ну, всё, вопросы есть? – по-армейски спросил Савченко и, получив отрицательный ответ, дождался, когда ученик снимет куртку и усядется на сено, после чего достал из кармана ложечку и, затушив ей свечу,

вылез по лестнице из погребца.

Хлопнула крышка люка, и подземелье погрузилось в крошечную темноту и непривычно давящую на уши тишину. Андрей принял позу «лотоса» и, закрыв глаза, сосредоточился на области третьего глаза. Провёл медитацию внутренней улыбки, сантиметр за сантиметром расслабляя каждую частичку своего тела. Когда ощутил лёгкость и невесомость своей физической оболочки, сосредоточил внимание на области пупка. Так просидел несколько часов. За это время он ощутил в месте концентрации тепло, почувствовал, как его энергия плавно движется по замкнутому кругу: от копчика в голову, а оттуда, через прикоснувшийся к верхнему нёбу язык, вниз, по передней средней линии тела. Дойдя вновь до копчика, она начинала следующий виток. Всё это было уже знакомо, но того, что требовал учитель, пока не получалось увидеть.

Прошло ещё несколько часов. Сколько именно, здесь в непроглядной темноте и без возможности взглянуть на часы, определить было трудно. Столяров продолжал медитацию, изгоняя из головы всевозможные назойливые мысли и образы, которые так и норовили овладеть его вниманием. Он уже давно привык находиться в такой сложной для многих людей позе, поэтому не испытывал никакого дискомфорта, пребывая в ней столько времени, сколько было необходимо.

И ещё несколько часов прошли, а затем ещё несколько.

Назойливые мысли постепенно растворились во мраке погребца, а в желудке заурчало, это организм просигнализировал о том, что пора бы и подкрепиться. Андрей улыбнулся, услышав знакомое требование, и в этот миг он словно провалился внутрь своего тела. То, что с ним начало происходить, было для него ещё незнакомо и потому притягивало и завораживало. Будто на экране цветного телевизора он увидел все свои органы в мельчайших подробностях. Столяров отчётливо увидел, как открываются и закрываются клапаны его сердца, пропускающая очередную порцию крови, как блестят на стенках желудка капельки желудочного сока, выделившегося в небольшом количестве из-за привычки получать в это время пищу. Будто посетитель необычных аттракционов, он пронёсся на красных шариках эритроцитов сначала по артериям, а затем, протиснувшись через мельчайшие капилляры, полетел вверх по венам. Попав на обратном пути в печень, увидел, как трудится самый главный фильтр тела, ежеминутно пропускающая через себя полтора литра крови.

Рассмотрев все органы и разные их части по отдельности, Андрей, словно отойдя в сторонку, наблюдал теперь, будто посторонний человек, как работает весь его организм в целом. И всё это было живое, и всё было в движении, и всё это совсем не было похоже на те застывшие картинки и фотографии из учебников. Применяя умение замедлять течение времени, он тщательно изучил все тонкости работы каждого органа, каждой клеточки своего тела, а объединив опреде-

лённые органы в системы, проследил также их взаимосвязи и специфику взаимодействия.

Наконец, удовлетворившись результатом своей практики, он хотел было уже окончить медитацию и пойти рассказать о своих достижениях наставнику, как вдруг произошло что-то непредвиденное. Непонятно по какой причине он потерял способность к концентрации, сознание начало расширяться с невероятной быстротой, точно надуваемый гелием безразмерный резиновый шарик, и вдруг, будто что-то взорвалось в центре этого шара и разлетелось в разные стороны необъятной Вселенной мелкими яркими осколками. Всё это произошло в считанные мгновенья, после чего разлетевшиеся на миллиарды километров осколки также неожиданно, в одночасье, вновь собрались в одной точке, в неизвестном Столярову месте.

* * *

Он почему-то ощутил себя лежащим в таком же тёмном помещении, как и погреб, ещё не осознавая где он, и что с ним произошло, однако понимая, что он только что спал, и его что-то разбудило. Немного нерешительно открыв глаза, Андрей отметил, что помещение, а точнее комната, в которой он лежал, была не настолько тёмной, как погреб, чтобы совсем ничего не видеть. В лунном свете, проникающем сквозь щель меж тонких занавесок, закрывающих лишь нижнюю половину оконца, он рассмотрел спинку кровати, на которой лежал и массивный круглый стол, стоящий посреди

этой небольшой комнатушки. На столе блестела медным боком и закопчённым изнутри стеклом, не зажжённая керосиновая лампа. Ощущения и запахи были какими-то непривычными, но в то же время было в них и что-то знакомое. Андрей никак не мог сконцентрироваться на настоящем моменте, так как сейчас он чувствовал себя каким-то раздвоенным. Он был одновременно и проснувшимся только что пожилым мужчиной, лежавшим на кровати, и в то же время он был всё тем же молодым человеком, который словно наблюдал за этим мужчиной со стороны.

Раздался стук в окно. Видимо, эти звуки и были причиной его пробуждения. Послышался приглушённый голос с улицы:

– Захар Пантелеевич, дед Захар, откройте, это я, Максим.

«Так, значит меня зовут Захаром», – подумал мужчина наблюдатель, а мужчина – хозяин тела, явно узнавший голос с улицы, быстро встал, надел широкие шаровары и, сделав несколько шагов по направлению к окну, привычно отомкнул шпингалет и распахнул створки. В комнату ворвалась осенняя прохлада, заставляя старика немного напрячься и поёжиться.

– Дед Захар, – послышалось откуда-то сбоку из темноты, – выручайте. Нашего командира ранили. Не доживёт до утра, если вы не поможете.

Хозяин дома молча захлопнул окно, торопливо подошёл к столу и зажгёт керосинку. Он быстро одел лежавшую на та-

бурете у кровати грубую льняную рубаху и, накинув поверх неё старенький тулуп, вышел в сени и отодвинул на дверях щеколду. В свете фонаря показались четверо мужчин разных лет и одетых по-разному. Общее у них было то, что за спинами у всех торчали стволы: у кого автомата, у кого винтовки, а в руках они держали за углы плащ-палатку, на которой лежал пятый человек, видимо, он и был тем самым раненым командиром. Одним из державших плащ-палатку был молодой парень лет восемнадцати, в котором Захар признал Максима – сына соседа Ивана, живущего на его улице через один дом. Он всё также молча посторонился, пропуская ночных посетителей внутрь. Освещая дорогу старенькой лампой, провёл гостей в комнату, которая была немного просторнее той, в которой он проснулся. Здесь окно было занавешено более плотной тканью, не позволяющей свету из помещения проникать на улицу. Теперь, не опасаясь быть замеченным с улицы, он поставил лампу на стол и зажёл ещё несколько свечей. В помещении заметно посветлело. Указав вошедшим мужчинам на стоявший у стены топчан и дождавшись пока солдаты положат на него раненого, сбросил на пол в угол комнаты тулуп и хриплым голосом коротко распорядился:

– Подождите на улице, если чего будет надо, я позову.

Никто из посетителей не пытался возражать. Все дружно развернулись и, бросив хмурые сочувственные взгляды на раненого, поспешно удалились. Когда мужчины покину-

ли комнату, Захар приступил к осмотру пациента. Тот был без сознания, лишь изредка из его пересохших губ вырывался еле слышный стон. Распоров острым ножом окровавленную гимнастёрку, он смочил водой из кувшина бинты с за-сохшей и слипшейся кровью, которыми наспех была пере-вязана грудь. После этого взял с одной из полок шкафа, за-ставленных всякими пузырьрёчками и баночками, ту, что бы-ла нужна, смочил её содержимым чистую тряпицу и разре-зал бинты. Смоченным импровизированным тампоном про-тёр начавшую вновь струиться из раны кровь и зашептал ка-кой-то заговор. Через несколько секунд кровотечение оста-новилось. Теперь нужно было сделать диагностику. Положив ладонь на запёкшееся отверстие от пули, лекарь закрыл глаза и замер. Через некоторое время показалось, будто его зрение переместилось в область ладони. Захар увидел всё, что нахо-дится под ней. Затем его «взгляд» начал углубляться внутрь тела. Вот он дошёл до того места, где застряла пуля. Она ока-залась всего в нескольких миллиметрах от сердца пациента. Извлекать этот смертоносный кусочек свинца, без риска для жизни, так, чтобы не зацепить жизненно важный орган, по-боялся бы даже опытный хирург, имея под рукой набор всех необходимых инструментов.

«Ну, что ж, – подумал Захар, – хорошо, что ты попал именно ко мне, может и поживёшь ещё». Не убирая ладони с раны, он «включил» другую свою способность, о которой мало кто знал, разве что его родители, которых уже давно

не было в живых. Только они, в далёкие годы его детства, заметили за маленьким Захаркой необычную способность притягивать руками всевозможные предметы. Заметив это, они отвели его, как только он немного подрос, к местному знахарю на обучение. Тот без колебаний принял мальчика в ученики, так как сразу распознал в нём незаурядную силу, которую нужно было развивать в правильном направлении. Учиться лекарскому делу Захарке нравилось, а когда, через десяток лет, он в полном объёме перенял у своего наставника всё, что тот умел и проводил его, внезапно усопшего, в мир иной, то стал полноправным деревенским целителем.

Не отнимая руки от раны, Захар сделал мысленное усилие и постарался потянуть застрявший в теле металл на себя. Пуля не пошевелилась. Спешить было нельзя, чтобы не спровоцировать внутреннее кровотечение, но и медлить было нежелательно. Лекарь усилил напряжение. Посторонний предмет чуть дрогнул, одновременно с телом человека, в котором находился, и медленно пополз к напряжённой руке Захара. Через несколько секунд деформированный кусочек свинца германского происхождения коснулся его ладони и намертво к ней прилип. Лекарь развернул ладонь, взглянул на вышедший из тела предмет и, сняв с руки напряжение, бросил пулю на стол. Теперь, когда самое опасное было позади, можно было заняться вновь кровоточащей раной.

Достав с полки пару одинаковых банок, помеченных лишь ему одному понятными символами, Захар разорвал на куски

чистую тряпицу и поочерёдно протёр рану, сначала смочив её жидкостью из одной банки, от чего выступившая кровь запенилась и перестала сочиться. Затем взял другой кусок ткани и смочил его жидкостью из второй ёмкости. Убедившись, что кровь больше не сочится, он ещё раз смочил второй тампон и, приложив к ране, слегка придавил сверху ладонью. Его губы вновь чуть слышно зашептали какие-то слова. Так прошло минут десять, а может быть и больше. За своим непрерывным чтением, не то мантры, не то молитвы, лекарь не замечал течения времени. Прервал его занятие тревожный голос Максима, заглянувшего в приоткрытую дверь.

– Дед Захар, дед Захар, – громко зашептал парень, – немцы. Как командир? Уходить надо.

Лекарь вышел из изменённого состояния сознания и снял с груди раненого высохшую за это время ткань. Чуть заметные следы крови остались только на самом тампоне, покраснение кожи заметно уменьшилось, воспалительный процесс пошёл на убыль, а пулевое отверстие покрылось розовой плёночкой, которая совсем скоро превратится в обычный кожный покров.

– Забирайте своего командира, – устало произнёс Захар.

В это время пациент издал громкий стон и прохрипел:

– Пить.

Лекарь смочил его губы водой, а вошедшие в комнату бойцы партизанского отряда, уже хватались за края плащ-палатки.

– Спасибо вам, – тихо сказал самый старший боец с шикарными чёрными усами.

– Идите с Богом, – поторопил их Захар.

– Захар Пантелеевич, так может и вы с нами, – оборачиваясь у самых дверей, спросил Максим, – фашисты ведь не оставят вас в покое.

– Я со своего дома никуда не уйду, – ответил тот, взглядом провожая спину последнего, выходявшего из комнаты, человека.

Через несколько секунд топот ног в сенях стих, а на смену ему послышался рокот моторов. Полоснув по окнам лучами прожекторов, возле дома остановились несколько мотоциклов, из которых выскочили вооружённые автоматами немцы. В сенях послышалась иностранная речь, и в комнату ворвались свирепые громилы, осветив помещение ручными фонариками и сразу же взяв хозяина дома на прицел. Вслед за ними неторопливо, походкой хозяина, вошёл офицер, хлопывая дулом пистолета по своей левой ладони, затянутой в чёрную кожаную перчатку. Из-за спины командира этого небольшого подразделения показался маленький, особенно на фоне эсэсовских громил, человечек, с повязкой полицейского на руке, в котором Захар узнал учителя немецкого языка из местной школы. Тот, преданно заглядывая в глаза офицеру, словно жалкая дворняжка, ждал команды от своего хозяина, боясь пропустить хотя бы одно его слово. Пройдя по комнате и бегло осмотрев её содержимое, эсесовец,

не поворачиваясь к лекарю, что-то сказал на немецком языке. Учитель тут же поторопился перевести:

– Господин обер-лейтенант спрашивает тебя, где партизаны? – теперь глаза предателя смотрели не преданно, они буравили хозяина дома колючим неприятным взглядом.

– Нет здесь никого, – буркнул в ответ Захар.

– Господин обер-лейтенант и сам видит, что здесь никого нет, – вновь услужливо перевёл сказанное офицером учитель, – он тебя спрашивает, куда они ушли?

– А я почём знаю, кто куда ушёл, – всё также спокойно ответил лекарь.

– Не хочешь говорить? Смотри, пожалеешь, – пригрозил фашистский прихвостень и добавил, указывая на окровавленные бинты, валявшиеся на полу, – а это чьё?

– Так это я собачку лечил, – негромко пробурчал хозяин дома.

– Собачку, говоришь? – вскипел от такого наглого вранья полицей, – а это тоже собачкино?

Бывший учитель указал на лежавшую на столе пулю со следами крови, которую лекарь только что извлёк из тела раненого партизана. Он всем своим видом и действиями пытался показать начальству свою преданность и расторопность. Офицер тоже обратил внимание на кусочек свинца, недавно вылетевшего из немецкого оружия, и теперь строго и вопросительно смотрел на Захара.

– Так шальная пуля в собачку попала, – продолжал разви-

вать свою теорию лекарь.

Полицейский ещё более взбесился. Его лицо налилось кровью, а маленькие ладошки сжались в кулачки, которые он был готов пустить в ход по первому сигналу своего хозяина.

– Ты знаешь, что с тобой будет, если ты не будешь с нами сотрудничать? – чуть не вопил он, брызгая слюной.

Захар промолчал, не желая больше нагнетать обстановку. Он прекрасно понимал, что все улики налицо, и его сказки, которые он рассказывал своим незванным гостям, лишь подливают масла в огонь ненависти, который и без того полыхал в груди у этого коротышки. Не дождавшись ответа, бывший учитель вопросительно посмотрел на офицера. Тот несколько секунд изучал лицо хозяина дома, после чего коротко отдал какое-то распоряжение. Двое громил, стоявших у дверей, тут же подскочили к Захару и, схватив его за руки, поволокли на улицу. Выйдя за порог, они жёстко толкнули его к стене дома, а сами отошли на пару шагов, вновь взяв автоматы наизготовку. В холодном свете луны фигуры людей казались ещё более зловещими. Захар видел лишь их тёмные силуэты, но всем своим нутром ощущал ту непомерную злость, которая исходила от них. То ли прохладный осенний ветерок повеял с их стороны, то ли это было морозное дыхание самой смерти, но лекарь ощутил, как этот холод проник прямиком в его сердце. Выскочив на улицу вслед за автоматчиками, полицейский снова завизжал:

– Ну, так что, скажешь, где партизаны?

Лекарь молчал, глядя прямо в лицо исходящему злобой человеку, от чего тот вдруг немного поутих, а по спине пробежали мурашки. Переводчик, словно ошпаренный, отскочил на несколько шагов назад и, приняв подобострастное выражение лица, что-то залепетал на немецком языке вышедшему из дома обер-лейтенанту. Тот выслушал всё, что сказал подчинённый, бросил короткий взгляд на старика, стоявшего у стены. Хотя лицо офицера и находилось в тени, но Захар, стоявший у стены, отчётливо видел, что в его глазах сейчас не было ничего человеческого, это были жёлтые глаза рептилии с узкими полосками зрачков, а между раздвинувшихся губ подрагивал раздвоенный змеиный язык. Длилось это видение, которое заметил один лишь лекарь, всего лишь несколько мгновений, после чего эсэсовец вновь обрёл свой прежний вид и, сделав еле заметный взмах головой в направлении пленника, развернулся и пошёл к мотоциклу. В то же мгновение раздался громкий, сухой треск автоматов, Захар увидел вырвавшееся из стволов пламя, и что-то обжигающе-горячее больно ударило в грудь, отбросив его тело на кирпичную стену дома. Боль длилась недолго. Через мгновение она сменилась необычайной лёгкостью. Теперь, из двух присутствующих здесь Захаров, остался только Захар-наблюдатель. Захара, находящегося в теле, больше не существовало.

* * *

Андрей, наконец, вышел из медитации. Находясь под

впечатлением таких ярких и реалистичных видений, он несколько секунд никак не мог понять, где он и жив ли он. Инстинктивно приложил руку к тому месту на груди, куда несколько мгновений назад вонзились пули. Ощувив под футболкой небольшие бугорки, вспомнил, что именно в этом месте у него находится россыпь маленьких родимых пятен, присутствовавших на его теле с самого рождения. Откуда-то из подсознания выплыло убеждение, что сейчас он увидел трагическое завершение своего прошлого воплощения. Версию о том, что родинки, это не что иное, как шрамы из прошлой жизни, он слышал не раз, а сейчас она подтвердилась, ещё и на собственном опыте. «Да нет, такого не может быть» – отмёл версию о предыдущей жизни его материалистический ум. Однако Столяров уже давно раскусил коварство своего рационального друга и сейчас больше полагался на интуицию, чем на его логические рассуждения и консервативные советы.

Твёрдо решив для себя, что именно он на самом деле только что наблюдал, Андрей аккуратно, не видя в темноте даже кончика своего носа, вышел из позы «лотоса», вытянул перед собой ноги, подвигал пальцами, затем ступнями. После того как почувствовал в конечностях прилив крови, нащупал оставленную Никодимом свечу со спичками и зажёл огонь. Встав на ноги, сделал несколько движений, чтобы размять задеревеневшее тело, после чего поднял с пола свечу и начал медленно подниматься по ступеням лестницы к выходу.

Откинув увесистую крышку погребца, Столярков вдолхнул полные лёгкие свежего осеннего воздуха, насытив им свой организм. На улице была ночь, однако глаза, привыкшие к темноте, чётко различали всё вокруг, словно он превратился в дикого ночного зверя. Дождя не было, но по лужицам возле навеса и каплям, изредка срывающимся с крыши, было видно, что он только недавно прекратился. Выбравшись из подвала, Андрей закрыл люк и, не спеша, направился к освещённой ночным светильником входной двери. Несмотря на короткий путь от погребца к дому и на своё хорошее зрение, он всё же ухитрился споткнуться об большого чёрного кота. Тот, рассевшись на дорожке, ведущей к дому, видимо, тоже не ожидал такого подвоха и с шипением отскочил в сторону, после чего, резво перепрыгнув через забор, скрылся в соседском дворе. Столярков испугался не меньше животного, но не от неожиданности, а из-за боязни растянуться сейчас на мокрой, холодной земле и выпачкаться в грязи. Осмотревшись вокруг и убедившись, что на пути больше нет никаких препятствий, он подошёл к двери дома. Она была не заперта. Тихонечко, чтобы не разбудить хозяев, вошёл, но оказалось, что опасения его были напрасны. Лишь только он открыл дверь из сеней в коридор, как с кухни прозвучал весёлый голос учителя:

– Давай сюда, полуночник, поужинаем вместе.

Столярков улыбнулся и пошёл на свет, пробивавшийся в щёлочку приоткрытой двери на кухню. За столом сидел

Никодим и добродушно улыбался своему ученику. Хозяйка сидела на табурете чуть поодаль и листала какую-то книжку. Она оторвалась от чтива и подняла на вошедшего красные уставшие глаза.

– Вижу, что у тебя всё получилось, – продолжая улыбаться, сказал Савченко и жестом указал на свободный табурет, – не думал, что ты осилишь моё задание всего лишь за сутки.

– Как за сутки? – удивился Андрей. По его представлению, прошло всего лишь несколько часов.

– Ну, если быть совсем точным, то за тридцать девять часов, – весело уточнил Никодим.

Столяров, немного обескураженный такими парадоксами времени, автоматически почесал себя пятернёй по затылку, а Анастасия Павловна, тем временем, отложила книгу и принесла три чашки горячего молока неестественно жёлтого цвета. Андрей подозрительно посмотрел сначала на молоко, затем по очереди на хозяев. Его удивлённый взгляд не остался незамеченным, и, ещё шире растянув губы в улыбке, наставник сказал:

– Пей, не бойся, это вечернее молочко со специями. А жёлтое – потому что с куркумой. Такой напиток в Аюрведе называется «золотым молоком». На ночь очень полезен, да и вообще для поддержания сил и здоровья.

Столяров отпил глоток. Вкус был немного необычным, но приятным. Мимоходом бросил взгляд на часы. Время приближалось к часу ночи.

– Сегодня расспрашивать ни о чём не буду. Завтра всё расскажешь, а сейчас допивай и спать. Плотно кушать на ночь я не рекомендую. Молока будет вполне достаточно. Подъём как обычно, так что не засиживайся.

Никодим, поднимаясь, допил последние капли своего напитка и поставил пустую чашку на стол.

– Спокойной ночи, – не оборачиваясь, сказал он, выходя из комнаты.

– Спокойной ночи, – вместе ответили Андрей и Анастасия Павловна.

Глава 3

Вот, лично приехал посмотреть на нашего героя, – в просторный кабинет, обставленный не без изыска, по-хозяйски вошёл высокий худой мужчина. Несмотря на преклонный возраст посетителя, его волосы были такими же чёрными, как и его строгий костюм, а его туфли были начищены так, что их можно было использовать вместо зеркала.

Хотя во фразе, произнесённой им, и чувствовался сильный американский акцент, и сопровождалась она вполне дружелюбной улыбкой, однако хозяин кабинета, к которому обращался иностранец, не мог не заметить присутствующий в ней сарказм. Хозяин кабинета и дома, в котором они находились, Виктор Сергеевич Тищенко, круглолицый мужчина лет пятидесяти, поспешил навстречу гостю, на ходу подавая знак своему начальнику службы безопасности, сопровождающего американца, чтобы тот удалился.

– Здравствуйте, Ваша Милость, как доехали? – Виктор Сергеевич сделал вид, что не расслышал интонаций, прозвучавших в устах Высшего Магистра Ордена, которого среди людей знали как ничем не приметного американского пенсионера Джона Грея.

– Здравствуй, здравствуй, здоровье и тебе пригодится не меньше, чем мне, – гость многозначительно посмотрел на изуродованное шрамами лицо хозяина дома, проигнори-

ровав банальный и почти риторический вопрос.

Без макияжа, который тому приходилось накладывать всякий раз, появляясь на людях, лицо выглядело довольно удручающе. Привыкнув за несколько лет к своему нынешнему внешнему виду и к смущённым взглядам людей, с которыми он общался, сейчас Виктор Сергеевич почувствовал себя пациентом рентген-кабинета или же каким-нибудь одноклеточным существом, расположенным на предметном столе мощного микроскопа. Жёлтые, немигающие глазки иностранного гостя, казалось, прощупывали всего его изнутри. Тяжёлый взгляд Магистра словно выворачивал его сущность наизнанку, вскрывая всё, что находится под обликом добропорядочного семьянина и известного государственного деятеля.

Гость не спеша прошёл в центр кабинета и, осмотревшись вокруг, без приглашения опустился в мягкое удобное кресло, стоящее возле рабочего стола. Закинув ногу на ногу, он достал из кармана пиджака толстую сигару и вопросительно взглянул на Виктора Сергеевича. Тот услужливо поставил на стол рядом с гостем небольшую хрустальную пепельницу и положил инкрустированную мелкими драгоценными камешками зажигалку. Неспешно произведя ритуал прикуривания, Магистр выпустил изо рта облако дыма и его взгляд стал более благодушным.

– Ну, так что, – продолжил он тему, которую начал развивать с шутливой реплики при входе в помещение, – профу-

кал, как у вас говорят, своё тёпленькое место? Не ожидали мы от тебя такой, как это по-русски, э-э-э... подставы.

– Ваша Милость, мы сделали всё, что могли, – попытался оправдаться хозяин дома.

– Значит не всё, раз не добились твоего избрания ещё на один срок! – голос Грея звучал по-прежнему мягко, однако за этой мягкостью скрывалась неведомая для посторонних глаз сила, очень хорошо известная Виктору Сергеевичу. – На предыдущих выборах вы, действительно, старались, хотя и не без нашей помощи, а вот в этот раз... Знаешь, мне порой кажется, что мы поставили не на того претендента. Может, тебе нужно было засунуть свои амбиции куда подалее и дать дорогу нашей уважаемой Лилии Владимировне Ивашенко? У неё ведь тоже были неплохие шансы, а?

Тищенко, точно нерадивый школьник, вообразивший себя всезнайкой и уличённый в своём невежестве, опустил глаза в пол. Слова Верховного Магистра, действительно, задели его, как говорится, за живое. «И откуда только взялась на мою голову эта выскочка Лилька, – подумал он после нелестного предположения шефа, – сидела бы у себя дома, занималась своим бизнесом. Какой чёрт её дёрнул пойти в политику? Конечно, она тоже такой же член Ордена, как и он, но женщины в их структуре всегда были на вторых ролях, уступая первое место особям мужского пола. Вот, например, как королева Англии, здоровья ей и процветания, занимает свой трон, но основного голоса не имеет. Лиль-

ка же хотела приобрести реальную власть, а этого я уже допустить не мог, и ещё неизвестно, у кого больше амбиций...»

Все эти мысли пронеслись в голове у Виктора Сергеевича, но вслух, естественно, он ничего не сказал, молча проглотив свою обиду.

– Сначала ты дал возможность занять своё место этому проходимцу, – меж тем продолжал свою речь важный гость, – а теперь мне наш общий знакомый, проживающий на родине вашего нынешнего президента, сообщает, что у них там появился ещё один серьёзный оппонент.

Высший Магистр пристально смотрел на своего собеседника.

– Только теперь, – продолжил он, так и не дождавшись ответного взгляда, – только вот теперь это не политический оппонент, а, возможно, ещё хуже. И несмотря на то, что это всего лишь какой-то мальчишка, однако, тем не менее, он, по мнению нашего брата по Ордену, может принести нам много хлопот. Мы, естественно, знали о приходе этого, так называемого мессии, но как всегда все неприятности, почему-то, происходят одновременно. Этот ваш Донецк, вообще, не город, а просто рассадник наших врагов. Плохо то, что на вашего нового президента мы ещё можем как-то влиять, слава Всевышнему, рычагов у нас хватает, то над тем индивидуумом мы никакой власти не имеем и чего от него ожидать, никому неизвестно. Я от тебя еду именно туда, постараюсь разобраться по месту, что из себя представляет и на-

сколько может быть опасным этот новый персонаж, в нашей, так мастерски отрежиссированной, пьесе.

Ну, да ладно, тебя, видимо, сейчас это уже мало волнует, тебе бы сейчас здесь со своими делами разобраться. Ты мне скажи-ка вот что, у тебя хотя бы проблем с поставками золота теперь не будет, про распространение и рекламу наших ГМ продуктов я уже и не упоминаю?

– Нет, нет, с этим у нас всё в порядке, – поспешил заверить гостя Виктор Сергеевич, – все банки под нашим контролем. С приходом нового президента ничего не изменилось. Скупки и ювелирные мастерские работают в прежнем режиме, так что не извольте беспокоиться.

– Хорошо, – Верховный Магистр махнул рукой, давая понять, что он и так в курсе всех дел, а вопросы задаёт только лишь для того, чтобы ещё раз убедиться в надёжности и лояльности своего заграничного брата по Ордену.

Хозяин особняка и сам был потомком одного из Родов Аннунаков, хотя и не таких древних, как Верховный Магистр, но то, что он начал сдавать свои политические позиции очень не понравилось правящей верхушке, пустившей свои корни в Соединённых Штатах после колонизации Северной Америки. Родство родством, но для реализации своих дальнейших планов по окончательной колонизации всей планеты и перехода власти к единому мировому правительству нужны были сильные и влиятельные лидеры во всех странах мира. Развалив единую некогда державу, верхушка

Ордена теперь всеми способами продвигала своих кандидатов в правительства всех отделившихся государств. В этой державе всё сразу пошло довольно гладко, до тех пор, пока неизвестные им враги не нанесли ощутимый удар, неизвестным образом подмешав к напитку Тищенко особый древний эликсир, который имел свойство снижать способности рептилоидов к мимикрии. Против этого снадобья, которое придумали и изготовили в далёкую старину ещё древние Асы, и которое каким-то непостижимым образом попало в руки современных врагов, Аннунаки, несмотря на все свои способности, были бессильны что-либо сделать. Тот, кто отведал этот эликсир, приобретал свой истинный вид рептилии. Так древние люди в те времена выявляли представителей их Рода среди чужеземцев, проникающих и растворяющихся при помощи обмана в многочисленной людской массе городов и посёлков.

Лишь благодаря какому-то чуду, выпитое тогда Тищенко зелье не сработало в полную силу, однако ж, доставило ему немало хлопот. Видному политическому деятелю, находящемуся всё время на виду у множества людей, ороговение кожного покрова лица и участков тела было, определённо, не на пользу. Ему просто повезло, что снадобье не сработало так, как работало в былые времена, в противном случае, этого кандидата пришлось бы срочно куда-то прятать или, возможно, и тут никуда не денешься, даже ликвидировать. Был и ещё один значительный минус отравления тогда ещё буду-

щего, а ныне уже прошлого президента. После всего, что он претерпел, у него заметно ухудшились магические способности, и это было для Тищенко серьёзным ударом и по его возможностям, и по его самолюбию. Тогда, перед выборами, несмотря на происки врагов, команда специалистов имиджмейкеров сумела всё же повернуть визуальные результаты отравления, отразившиеся, в основном, на лице, на пользу своего кандидата. Телевидение и СМИ начали массово распускать легенды о том, что якобы противники демократических преобразований в стране хотели его убить, и на четыре года Орден всё же получил своего «человека» на троне этого государства. Вот только из-за утерянных способностей, сделать чего-либо серьёзного за эти годы Виктору Сергеевичу так и не удалось, напротив, дела шли из рук вон как плохо.

– Так, ты мне скажи, – Грей положил сигару на край пепельницы и бросил почти сочувствующий взгляд на собеседника, – меня всё ещё интересует, как это ты тогда не почувствовал присутствие яда в напитке.

Тищенко сразу не понял, о чём говорит гость, размышляя о вопросах золотых поставок на Нибиру. Здесь тоже было не всё так гладко, как хотелось бы, однако распространяться о проблемах он не желал, тем более сейчас, когда его авторитет и так значительно подорван. Магистр продолжал пристально смотреть на хозяина дома, и тот, быстро сориентировавшись о чём идёт речь, ответил:

– Ваша Милость, я вам уже тогда говорил, видимо, это

было магическое зелье большой силы. Изготовить его мог только очень сильный маг, и, думаю, он позаботился о том, чтобы мы не могли распознать это вещество, растворённое в напитках. Я даже представить себе не мог, что такое может существовать в наше время. Про такие эликсиры ходят лишь слухи и легенды, оставленные нашими предками, жившими ещё в допотопные времена. Такими средствами пользовались маги древних Асов, для того, чтобы выявлять наших агентов в своих поселениях.

Грей, слушая своего собеседника, поморщился, словно от зубной боли.

– Не надо мне рассказывать то, что я и без тебя прекрасно знаю, – сквозь зубы прошипел Магистр, и от раздражения его иностранный акцент заметно усилился. – Слухи, легенды... Значит не слухи и не легенды, значит этот эликсир, действительно, существует. Расслабились здесь, потеряли бдительность, вот вам и результат. Ты уверен, что это не дело рук твоего бывшего оппонента?

– Мы провели тщательнейшее расследование, были задействованы все имеющиеся у нас в распоряжении структуры, но не выявили никакой связи Сидоровича с моим отравлением, тем более, что это сыграло на прошлых выборах против него.

– Против него, – недовольно повторил гость, – если за этим стоял Сидорович, то он явно рассчитывал на другой эффект, хотя, мне тоже кажется, что он вовсе не в теме. Он

из других слоёв населения, слоев которым чужды всякие магические штучки. Такие, как он, полагаются лишь на свою силу и авторитет, всё остальное для них пустой звук. Такие идут напролом, пренебрегая всякими тонкостями и хитростями, поэтому и твоя победа на тех выборах, это заслуга наших людей, которые, несмотря ни на что, смогли сделать тебя жертвой злостного покушения.

– Я уж и не знаю что думать. Поверьте, то, что я пережил из-за всего этого, я бы не назвал весёлым и беспечным времяпрепровождением, мне это стоило доброй половины седых волос.

Тищенко рукой пригладил свою причёску. Седины на голове политика, действительно, прибавилось, хотя она его не старила, а, скорее, придавала ему образ умудрённого сединой мужа.

– Не нужно передо мной разыгрывать страдальческую и, тем более, человеческую роль. Ты не на публике, а я не доверчивый зритель. Я прекрасно вижу твою чешую, которая так и хочет появиться вместо твоей красивой причёски, так что давай без этого дурацкого пафоса. Теперь нужно не плакаться, а, во-первых, отыскать и отомстить нашим врагам; во-вторых, продумать, как вернуть потерянный тобой пост через четыре года, а может, если получится, то и раньше. Но на первом месте – отомстить! Нужно всё-таки выяснить, кто стоит за всем этим, какие цели преследуют, хотя это не такой уж и большой секрет. Кто-то из потомков Асов, ина-

че, откуда у него этот злополучный эликсир, докопался или, по крайней мере, подозревает тебя в причастности к нашему Ордену. В общем, думай, вспоминай все мелочи, а затем действуй. Мы тебя пока ещё считаем одним из ведущих специалистов в этом регионе, но теперь ты должен это доказать Ордену. Если с этим не разобратся, то мы так и не будем знать, откуда может прийти следующий удар.

Когда Магистр, наконец, покинул «скромное» жилище экс-президента, тот в задумчивости опустил в кресло. Неприятные воспоминания, которые уже давно и относительно спокойно лежали под одним из камушков, где-то глубоко на дне озера его памяти, сегодня вдруг были извлечены из этих глубин высокопоставленным гостем и вновь овладели его сознанием.

* * *

Деловая встреча, на которой обсуждались планы дальнейших политических и экономических шагов, и которая была умело законспирирована под дружеский ужин на даче одного из приятелей Тищенко, подходила к концу. Решив все насущные проблемы, Виктор Сергеевич, наконец, позволил себе расслабиться и выпить ещё одну рюмку коньяку, несколько бутылок которого привёз один из участников этой встречи. Финансовые вопросы были улажены, хотя и не без претензий, но всё-таки достаточно благополучно для всех присутствующих. Теперь все мысли Виктора Сергеевича были о предстоящих выборах, но и они не портили приятную ат-

мосферу этого вечера. Настроение было хорошее, несмотря на довольно крепкую позицию его оппонента. Тищенко прекрасно понимал, что для того, чтобы продвинуть своего представителя на державный трон такого богатого ресурсами государства члены Ордена, к которому принадлежал он, как один из потомков Рода Аннунаков, не остановятся ни перед чем. Там, где не получится взять необходимые голоса обманом, возьмут подкупом, если и этот вариант не пройдёт, то в запасе есть более радикальное средство, о котором, правда, ещё рано думать. Вероятнее всего, что всё закончится уже на втором этапе голосования. Пройти в первом туре Виктор Сергеевич и не предполагал. Предвыборная аналитика показывала, что есть ещё несколько не столь серьёзных кандидатов, которые, несомненно, отберут некоторую часть его потенциального электората. Но вот во втором... он, несомненно, будет безоговорочным лидером.

Закусив выпитую рюмку коньяку несколькими ягодами сочного винограда, Тищенко расстегнул пуговицы своего пиджака, откинулся на высокую спинку софы и нехотя поддерживал беседу, которую продолжал вести хозяин дачи. Делать здесь было больше нечего, Виктор Сергеевич откровенно скучал, и если бы не боязнь обидеть остальных участников встречи своим преждевременным уходом, то он бы давно покинул общество этих высокопоставленных человекообразных существ. Разговоры, которые вели между собой представители этой низшей расы – расы людей, были для

него ничем иным, как глупым времяпрепровождением. Коньяк был хорошим, но алкоголь не опьянял представителя Аннунаков так же, как одурманивал людей. Он лишь незначительно снижал его магические возможности, но способности к мышлению и логическому построению оставались такими же, а потому было очень скучно и противно слушать пустые разговоры этих подвыпивших существ. «Бабы, тачки, бани...» Всё это было не для него, всё это было гораздо ниже его уровня.

Выждав ещё некоторое время, Виктор Сергеевич улучил благоприятный момент и всё же раскланялся с хозяином дома и его гостями, после чего покинул это надоевшее ему общество. По дороге домой, он вдруг почувствовал некоторое недомогание, что было довольно странно. За свою, пока ещё непродолжительную, по меркам Аннунаков, жизнь он ни разу не болел даже примитивным насморком, не говоря уже о чём-то более серьёзном. Первые рептилоиды, поселившиеся на этой планете, испытывали определённые неудобства и дискомфорт во время привыкания к новым условиям жизни, но это было много тысячелетий назад. С тех пор представители их расы прекрасно адаптировались ко всем земным параметрам и уже давно не страдали от каких-либо проблем со здоровьем.

Дома, к счастью, уже все спали, поэтому он, не включая свет, чтобы не потревожить своих домашних, аккуратно прошёл в свой кабинет и только здесь воспользовался электри-

чувством. К этому времени Тищенко чувствовал себя ещё хуже. Тело ломило от внезапно повысившейся температуры, кожа на теле стала сухой и безжизненной. Соблюдая осторожность, он прошёл в ванную комнату, включил воду и, раздевшись, стал под душ. Прохладные струи, забарабанившие по телу, принесли некоторое облегчение и немного понизили температуру, повышение которой было вовсе не свойственно всегда прохладному телу рептилии. Однако, долго так стоять он не мог, тем более понимая, что этим способом проблему не решить, а значит, нужно было принимать более серьёзные меры. Какие именно, Виктор Сергеевич ещё не знал, так как воспалённый мозг отказывался работать в полную силу и не мог даже приблизительно представить, что происходит с человеческим телом, с которым он так прекрасно уживался все свои годы жизни.

Накинув мягкий махровый халат, он, вытирая большим сухим полотенцем голову, вышел из ванной комнаты и вздрогнул от неожиданности, увидев перед собой супругу. Екатерина Тищенко, женщина средней комплекции стояла у самых дверей, левой рукой придерживая полу пёстрого длинного халата, а правой пытаясь разгладить свои светлые волосы, которые были слегка растрёпаны после непродолжительного сна. На всегда ухоженном лице, с умеренным количеством макияжа в дневное время, сейчас отобразались тревога и озабоченность. Она уже много лет была не только преданной супругой, но и единственным и верным союзни-

ком во всех делах своего мужа.

– Витя, что случилось? – не скрывая волнения, спросила Екатерина Витальевна.

– Я сам ещё ничего не понял, – вяло ответил супруг, чувствуя, что у него вновь поднимается температура. – Похоже на отравление.

– Но как это могло произойти? Разве тебя возможно чем-нибудь отравить?

– Видимо, возможно, – грустно констатировал Виктор Сергеевич.

– Но как это могло произойти, да ещё у Тихомира, он же всегда был надёжным партнёром? Или это произошло ещё раньше? – не унималась супруга.

– Катенька, я ничего сейчас не знаю. Давай оставим распросы на потом, сейчас мне не до этого. У меня такое ощущение, что с меня сдирают человеческую кожу без всякого наркоза.

Екатерина Витальевна взяла супруга за плечи и развернула в сторону входа в ванную комнату, где горел довольно яркий свет. Провела ладонью по его лицу, отчего тот поморщился, испытал болезненные ощущения.

– Ты, в какой-то мере прав, – подтвердила она, пристально вглядываясь в такое знакомое и изученное до последней морщинки лицо, – у тебя проявляются чешуйки, и кожа стала заметно грубее. Нужно срочно вызывать доктора, это может быть очень серьёзно. Тебе скоро предстоит мно-

жество встреч и выступлений, и нельзя пускать твоё здоровье и внешний вид на самотёк.

Через полчаса, в сопровождении Екатерины Витальевны, в комнату вошёл пожилой мужчина в сером костюме с «дипломатом» в руке. Поздоровавшись, он присел на стул возле просторной софы, на которой лежал больной.

– Ну-с, уважаемый Виктор Сергеевич, расскажите мне, что с вами произошло, – сказал доктор, внимательно рассматривая внешний вид своего пациента.

– Это я хотел бы узнать у вас, так как я абсолютно ничего не понимаю, что со мной творится.

– Я, знаете ли, немного видел представителей нашего Рода, имеющих проблемы со здоровьем, однако, я на досуге изучал древние трактаты, оставленные нам нашими предками, и вот что я вам скажу.

Доктор ещё раз внимательно всмотрелся в лицо пациента.

– Так вот, симптомы весьма похожи на действие так называемого «Эликсира правды», который применяли прародители славян для выявления наших замаскированных агентов в их рядах. Вот только видеть это снадобье и, тем более, иметь с ним дело, мне, слава Высшим Силам, не приходилось. Честно говоря, я и не предполагал, что такое может существовать в наше время. Где вы могли его выпить, не можете предположить?

– Мне сейчас не до аналитики, – Тищенко решил не уточнять, где он сегодня был, – мне сейчас нужна помощь, у ме-

ня всё внутри закипает.

– Да-да, конечно, – засуетился доктор, продолжая тем временем рассуждать вслух, – и это, знаете ли, ещё один из характерных симптомов отравления этим самым эликсиром, описанным в древних трактатах.

Он открыл чемоданчик и, достав из него какой-то тюбик, протянул пациенту.

– Вот, смазывайте пока что этим все проблемные места. Эта мазь притормозит процесс проявления чешуи из-под кожи. А я немедленно займусь изучением трактата о здоровье, чтобы отыскать рецепт противоядия. Не буду вас обнадеживать, так как вовсе не уверен, что оно существует, хотя всё может быть. Всё может быть, – ещё раз задумчиво произнёс медик.

Взяв пробы крови и других жидкостей тела пациента, доктор распрощался с хозяйкой дома и, несмотря на позднее время, поспешил не домой, а к себе в лабораторию. В его практике это был первый случай, но его умом вдруг овладел страх того, что одиночное явление вполне могло перерасти в эпидемию, которая сможет зацепить и других членов Ордена, да и его самого.

Однако прошёл день, за ним ещё несколько. Тищенко на время отказался от массовых выступлений, так как мазь, предложенная доктором, действовала лишь незначительное время, и стоило чуть промедлить с её нанесением, как тут же верхние слои кожи начинали уплотняться, образуя бугри-

стые поверхности, похожие на шрамы. Действие яда не ограничилось проявлением рептилоидных черт на поверхности человеческого тела, на второй день после отравления начало ломить позвоночник, появились сбои в работе внутренних органов. Эту болезнь современные врачи вполне могли бы назвать аутоиммунной, так как в одном теле друг против друга боролись рептилия и человек. Доктор, приезжая каждый день и проводя всевозможные обследования, на вопрос о противоядии, только беспомощно разводил руками.

– Что же вы хотите, уважаемый Виктор Сергеевич, – сказал он, осмотрев в очередной раз своего пациента и, в который раз услышав волнуящий того вопрос, – наши предки были намного сильнее и выносливее нашего поколения, но и они не достигли значительных результатов на этом поприще. Крем, который я вам дал, единственный, если так можно выразиться, прорыв в этой области. Но вы не отчаивайтесь. Я бы посоветовал вам, чтобы не привлекать внимания, посетить одну из наших закрытых клиник, например, в Соединённых Штатах или в Великобритании. Там вы сможете немного успокоиться и расслабиться, возможно, мои коллеги предложат что-нибудь новенькое из их фармацевтических разработок. Но покой, я бы сказал, в любом случае для вас сейчас самое главное.

Надежды на то, что у заграничных эскулапов найдётся чудодейственное средство, было мало, однако Тищенко всё же прислушался к совету своего семейного доктора и на сле-

дующий день, отдав все необходимые распоряжения, вылетел в Соединённые Штаты Америки. В стране же в это время развернулась прекрасно организованная и всесторонне продуманная пиар кампания об отравлении кандидата в президенты диоксином. Для придания достоверности всему, что говорилось в прессе, Виктору Сергеевичу перед вылетом пришлось посетить больницу, где он официально стоял на учёте, и сдать кровь, в которую подкупленные специалисты добавили изрядную порцию отравляющего вещества. Результаты этих анализов, а также фото с обезображенным лицом кандидата в президенты и распространились затем в «свободной и независимой» прессе, придавая достоверность мастерски придуманной лжи.

Проведя с десятков дней в заграничной клинике, Виктор Сергеевич так и не заметил особых улучшений. Там также его кормили обещаниями, проводили массу дорогостоящих процедур, не дававших кроме небольшого облегчения никаких результатов. За время пребывания в этом вынужденном отпуске, можно было хорошо отдохнуть и отоспаться. Можно было бы, если бы не боли внутри организма и не постоянный нервный стресс, испытываемый каждый раз, когда кандидат в президенты смотрел в зеркало и наносил на лицо спасительный крем. В конце концов, Тищенко разочаровался в этом лечении и вернулся домой, где всё тот же лечащий врач посоветовал ему сделать пластическую операцию, чтобы прикрыть человеческой кожей выпирающую на поверх-

ность чешую. Так как выхода другого никто не видел, а предвыборные дела требовали его личного участия, то он согласился на этот шаг и вытерпел множество секретных операций на кожном покрове своего лица.

Тем временем второй тур, несмотря на все ухищрения, всё же не принёс ожидаемого результата – оппонент умудрился обойти его на несколько решающих процентов. Тогда Орденом был предпринят запасной вариант, и в столицу государства были привезены импортные оранжевые палатки, обученные и подготовленные заграничные специалисты, а также чужеземные оранжевые апельсины, от которых в хмурой столице на время стало немножечко светлее. Хорошо спланированная акция, наконец, дала свои результаты, и необходимая «справедливость» была восстановлена – Виктор Сергеевич Тищенко всё-таки стал президентом.

* * *

– Получается, что хотели как лучше, а получилось как всегда, – невесело проговорил Олег Витальевич Игнатов, бывший сотрудник КГБ, а нынче преуспевающий бизнесмен. – Думали, что выведем этого господина на чистую воду, покажем людям его настоящую сущность, а вышло, что помогли ему занять место президента. Теперь его так просто оттуда не скovyрнёшь, придётся терпеть ещё четыре года или ждать другого удобного случая.

Лица двух других собеседников, находившихся в кабинете директора мебельного комбината, тоже были хмурыми.

– Виталич, – спросил после нескольких минут паузы начальник службы безопасности, китаец Лю Лонгвей, – а это снадобье, что тебе дух отшельника передал, не могло состариться от времени, может из-за этого и не сработало как следует?

– Да я уже думал об этом. Знаешь, вряд ли старик не предусмотрел этот нюанс. Понимал же, что не один год эликсир может простоять без дела, не каждый же день нам приходится выявлять рептилоидов. Здесь что-то другое. Гриша, а ты что скажешь?

Игнатов обратился к третьему участнику этой странной, для непосвящённого человека, беседы. Если бы человек, слушающий этот разговор, не видел его участников, то он мог бы подумать, что это беседа каких-то древних алхимиков, обсуждающих действие какого-то волшебного эликсира, доставшегося им в наследство от предыдущих поколений.

– У меня тоже нет никаких серьёзных предположений, – словно извиняясь, сказал Григорий Кондратьев, перестав вращать между пальцев острый складной нож, – всё было сделано, с нашей точки зрения, безукоризненно, но вы же сами понимаете, это же магия, да и не рядовой рептилоид этот эликсир пил. Рядового на такую должность продвигать не станут, а значит и способностей у него поболее, чем у обычных тварей.

– Ты, дружище, конечно, прав, но, тем не менее, нужно разобраться с этим как можно быстрее и с максимальной

тщательностью, – задумчиво глядя куда-то мимо своего подчинённого, сказал Игнатов, – раз уж мы взялись за это дело, то назад дороги нет. Современная наука нам вряд ли сможет помочь, а знакомых магов мы пока не имеем. Сколько этих ящеров сейчас бродит по нашей земле и по нашему городу в частности – неизвестно, и думаю, что эликсир нам ещё не раз понадобится для того, чтобы их выявлять. Если же он вновь не сработает в полной мере, то мы-то, конечно, поймём, кто перед нами, но вот люди, по своему неведению, опять воспримут такого индивидуума, как жертву козней его коварных врагов.

Бывший чекист, глядя из окна своего кабинета на низкие осенние облака, не зря вспомнил этот разговор, который состоялся здесь же более четырёх лет назад. Несмотря на все предположения и эксперименты с эликсиром, которого, к сожалению, оставалось всё меньше, причину его неэффективности за это время выяснить так и не удалось. Новых кандидатов в рептилоиды у них больше не появлялось, и возможность повторить попытку проявить истинное лицо аннунака им не представилась. Но вот теперь, когда, наконец, нашёлся Андрей Столяров – человек со сверхспособностями, о котором ему говорил отшельник, нашёлся и кандидат на дегустацию чудесного снадобья – некто господин Горбунов. Судя по тому, что удалось разузнать про этого бизнесмена, это был далеко не тот человек, да и человек ли вообще, за которого он себя выдавал. С тех пор как убили его домработни-

цу, он словно испарился. Все попытки его разыскать не дали никаких результатов. Слежка за его мамочкой, Вероникой Горбуновой, тоже ничего не дала. Она вела себя так, будто в её жизни никогда не существовало родного сына: занималась своими делами, нашла новую горничную и не делала ни малейшей попытки каким-либо образом связаться со своим чадом. Было понятно, что она прекрасно осведомлена, где он находится, поэтому и не волновалась. Что ж, придётся ждать возвращения Андрея, тогда, возможно, Горбунов вновь себя проявит. Вот только и им забот прибавится, чтобы не допустить покушения на жизнь этого молодого человека.

Игнатов приоткрыл окно, и в лицо дунул сырой осенний ветер. Освежившись в прохладном воздушном потоке, он вернулся за свой рабочий стол. Нужно было решать множество возникших вопросов по производству. В связи со сменной верховной власти, ему начали поступать предложения расширить производство. Многие бизнесмены начали массовое паломничество в столицу, перевозя туда свои офисы и организуя там свои предприятия. Вот только его словно что-то удерживало, будто невидимая Божественная десница мягко ложилась на его плечо и крепкой своей волей ненавязчиво не позволяла сделать необдуманный шаг. Может быть, это была та самая пресловутая интуиция, которая, к слову сказать, редко подводила Игнатова?

Олег Витальевич покрутил в руках начатую несколько месяцев назад пачку сигарет. С тех пор как Столяров посове-

товал ему пройти обследование, и у него, действительно, обнаружили зачатки опухоли, он больше не выкурил ни одной сигареты. Силы воли бывшему чекисту было не занимать, поэтому он бросил эту вредную привычку раз и навсегда, и только в минуты умственного напряжения он, по обыкновению, доставал эту начатую пачку, вытряхивал из неё сигарету и разминал, будто подготавливаясь закурить. Он пробовал заменить сигарету другими предметами, беря их в руки, но эффекта сосредоточения не достигал. Тактильные ощущения бумаги и запах табака, по-видимому, отпечатались где-то глубоко в подсознании, не желая уступить место чему-либо другому. «Ну и ладно, – решил тогда Игнатов, – главное, что курить больше не тянет».

Глава 4

– Смотри, Коляныч, опять чёрный кот, про которого я говорил, – сказал маленький, щупленький на вид паренёк, которого друзья называли Петрухой.

Он протянул руку в сторону перекрёстка, на котором только что появилось и сразу спряталось домашнее животное. Его товарищи нехотя перевели взгляд в указанном направлении, но ничего не обнаружив, потупили свои взгляды в землю.

– Уже третий раз его вижу, – не унимался Петруха. – Станный он какой-то.

– Ну и чё там странного, кот как кот, – ответил тот, которого щуплый назвал Колянычем, – он уже с неделю как к бабе Матрёне прибился. Старухе, видать, скучно самой, вот она его и приютила у себя.

Коляныч грустно взглянул на пустую бутылку из-под водки, которую они втроём только что распили и, швырнув её в ближайšie кусты, добавил:

– Эх, почему всё заканчивается на самом интересном месте.

Одной бутылки на троих было явно маловато. Коляныч, в отличие от маленького, худого Петрухи, был точной его противоположностью. Крупного телосложения, с кулаками чуть меньше Петрухиной головы, он был самым авторитет-

ным парнем в их посёлке. Было время, когда он на спор разгибал подковы руками, пока все сомневающиеся, проиграв пари, не убедились в его недюжинной силе. Теперь с ним мог поспорить разве что приезжий, который ещё не знал местного силача. Для такого богатыря одна бутылка водки была одному ему только для затравки, что уж говорить про троих.

– Это точно, – согласился с товарищем третий участник вечерних посиделок по прозвищу Игорёк.

По комплекции он был чем-то средним между Колянычем и Петрухой, и его настоящее имя было вовсе не Игорь, а Саша. Прозвище же своё он получил из-за того, что очень точно копировал голос одного из участников его любимого шоу «Уральские пельмени» и частенько веселил друзей возгласом: «И-и-и-горь!».

Вечерело. Осенние дни были уже намного короче, чем раньше, благо, что хотя бы дождя не было. Солнышко, выглянувшее сегодня после нескольких дней своего заточения в небесном каземате, подсушило лужи, и ветерок дул, хотя и влажный, но не такой противный, как в предыдущие дни. Собравшись вместе после нескольких тоскливых дождливых дней, которые пришлось просидеть дома, друзья распилили принесённую Колянычем пол-литровку и теперь сидели, нахохлившись точно воробьи в стужу, на металлическом заборчике возле магазина. У каждого в душе теплилась надежда на то, что свершится чудо и у них появится хотя бы ещё одна бутылка беленькой.

Не напрасно говорят, что если во что-то сильно верить, то это обязательно сбудется. Суждено было сбыться и их мечте, так как из-за угла, за которым минуту назад скрылся чёрный кот, появился незнакомый паренёк и сразу направился к скупающей троице. Это был невысокий, худощавый молодой человек лет двадцати пяти с невыразительными чертами печального лица. На такие непримечательные лица обычно или вообще не обращают внимания, или сразу же забывают, как только человек выпадает из поля зрения.

– Привет, мужики, – как-то невесело поздоровался он.

– Ну, здорова, – ответил за всех Коляныч, пристально рассматривая незнакомца.

– Вы это, – подошедший парень немного то ли смутился, то ли робел, – вы выпить не хотите?

– Ну, допустим, – неопределённо ответил лидер компании, не подавая виду, что предложение незнакомца оказалось очень даже кстати.

– Так я схожу, возьму? – спросил незнакомец, обращаясь уже непосредственно к Колянычу.

– Ну, сходи, возьми, – ответил тот, боковым зрением увидев, как загорелись глаза двух его товарищей.

Незнакомец будто даже немного повеселел. Он быстро развернулся и поспешил в магазин. Через несколько минут он показался на пороге поселкового «универсама» с пакетом в руке, и, подойдя к компании, спросил:

– Может, куда отойдём, чтоб нормально посидеть?

– В соседнем дворе навес есть, там летом мужики козла забивают. Может туда? – вступил в разговор Петруха, вопросительно глядя то на Колянныча, то на незнакомого благодетеля.

Главарь молча кивнул и первым направился в указанное товарищем место. Подойдя к деревянному столику, вокруг которого были вкопаны четыре лавки, незнакомец торопливо начал выкладывать содержимое пакета. На столе появились две бутылки водки, булка нарезного хлеба, палка колбасы, порезанная продавщицей, по просьбе покупателя, на кружочки и несколько плавленых сырков. Последними были извлечены упаковка одноразовых стаканчиков и двухлитровая бутылка пепси. Не ожидая каких-либо предложений, незнакомец по-хозяйски откупорил бутылку водки и разлил по стаканам. Затем по-хозяйски разорвал упаковку с хлебом, достал оттуда один кусочек и, положив на него кругляшек колбасы, сказал:

– Ну, что, за знакомство? Меня Лёхой зовут.

Трое товарищей тоже представились и, не мешкая, выпили содержимое пластмассовых стаканчиков. Пока они закусывали, Лёха налил ещё по одной и вопросительно взглянул на собутыльников.

– А вот ты мне скажи, Лёха, – спросил Колянныч после того как запил пепси застрявший в горле и никак не желающий проглатываться, кусок плавленого сырка, – кто ты, откуда к нам пожаловал и с чего это вдруг такая щедрость?

По голосу и внешнему виду главаря невозможно было сказать, что он был хоть чуточку пьян. Лица же двух других товарищей порозовели, а в их глазах появились живые огоньки.

– Понимаешь, Коляныч, – Лёха вновь погрузился, – горе у меня.

Улыбки на лицах приятелей тоже сразу исчезли, сменившись на выражение озабоченности и участия.

– И чего у тебя случилось? – спросил теперь уже Игорёк.

– Да девчонку мою один козёл изнасиловал, а потом сбежал.

– А чего тебя сюда-то занесло, – в разговор вновь вступил Коляныч.

– Так этот гад сбежал в ваш посёлок.

– И кто ж это? Что-то я никого нового здесь не видал. Или может он здешний? – Коляныч вопросительно взглянул на своих товарищей, как бы спрашивая, не видел ли кто из них кого постороннего, но те в ответ только пожали плечами, так как рты были заняты едой.

– Так он у вашего лекаря живёт, вроде бы как в ученики к нему напросился, – уточнил Лёха, исподлобья бросая быстрые взгляды то на одного, то на другого собутыльника.

– К Никодиму что ли? – спросил главарь.

– Точно, видел я там не нашего, неместного, – встрял в разговор Петруха, – он каждое утро за водой к колодцу ходит. Неприятный такой тип.

Выпив ещё по стакану белой и слушая жалостливый рассказ Лёхи, компания постепенно прониклась чувством жалости к своему спонсору. Даже на спокойном до сих пор лице Коляныча появились признаки негодования, которые грозили перейти в неконтролируемый взрыв эмоций.

– Он ведь, сволочь такая, – продолжал жаловаться Лёха, – под видом массажиста заманил к себе мою доверчивую Светку, и когда она разделась, воспользовался случаем... Я думал, что убью его, так он, видать, испугался, вот и сбежал, решил, что я его здесь не найду.

Ещё одна порция крепкого напитка теплом разлилась по организмам парней, всё больше разжигая огонь ненависти и желания наказать подонка, воспользовавшегося доверием девушки. Оскорблённый жених вытер ладонью выступившую из глаза слезинку и сокрушённо опустил голову.

– Не переживай друг, – тяжёлая ладонь Коляныча легла на Лёхино плечо, отчего тот непроизвольно вздрогнул, – мы поговорим с твоим обидчиком. Будь спокоен, от нас он никуда не спрячется. Поговорим так, что никакой лекарь ему не поможет. Я прав, мужики?

Он сурово взглянул на своих товарищей и те в ответ энергично закивали, полностью соглашаясь со своим предводителем.

– Да мы из него котлету сделаем, – пригрозил Петруха, стукнув своим маленьким кулачком по столу.

– Верняк, – согласился с ним и Игорёк.

Тем временем сумерки ещё больше сгустились, и стало заметно холоднее. Разогретая спиртным компания не замечала холода, всё больше закипая от подробностей тяжёлой и безрадостной жизни их нового знакомого, на которые тот не скупился.

* * *

– Анастасия Павловна, не переживайте, я сбегаю сейчас в магазин и куплю на завтрак буханку хлеба, – успокаивал хозяйку дома Андрей, когда та начала себя казнить за то, что не предусмотрела всё заранее и не купила ещё один батон.

Постоялец жил у них уже не первый день, но она всё ещё иногда забывала о том, что едоков прибавилось, и нужно это учитывать при закупке необходимых продуктов.

– Куда ты, Андрюшенька, пойдёшь по такой-то погоде, да и поздно уже. Я завтра с утра чего-нибудь испеку, – попыталась отговорить гостя супруга Никодима.

– Анастасия Павловна, да сегодня прекрасная погода, и не ночь ещё, магазин ещё работает.

– Андрюш, успокойся, – обратился к Столярову Никодим, который вошёл в комнату, вытирая руки полотенцем, – Настенька завтра чего-нибудь свеженького придумает. Отдыхай уже сегодня.

– Та я и не устал, – возразил Андрей, – а если не нужно ничего покупать, так я просто прогуляюсь.

– Ну, дело твоё, – согласился лекарь, повесив полотенце себе на плечо, – дело молодое, пойдешь, развейся, коль охоту

имеешь.

На этой неделе Никодим обучал своего ученика работать с пациентами. Под пристальным вниманием учителя, тот осваивал массажные приёмы и прочие премудрости оздоровления организма пациента. Дело это для Столярова было новое, и он прикладывал много сил физических и эмоциональных, чтобы сделать всё правильно и не навредить доверившемуся ему человеку. Андрей также старался не обременять хозяев своим присутствием, поэтому вечерняя прогулка была лучшим вариантом отдохнуть самому и дать отдохнуть от себя этим приятным людям.

Одев короткую курточку, он вышел на свежий воздух. За калиткой осмотрелся вокруг и пошёл не спеша по тротуару, погружившись в воспоминания о лете и о Светлане. Приехав сюда и окунувшись с головой в новое для него дело, яркость событий, происходивших с ним несколько месяцев назад, немного потускнела. Сильной оставалась лишь его привязанность, хотя нет, сейчас Андрей был точно уверен, что это уже была не привязанность, а любовь к его Светлячку – Светику – Светлане. Нащупав во внутреннем кармане телефон, он хотел уже было набрать её номер, но вспомнил, что у неё сегодня дежурство и оставил трубку на месте. Продолжая улыбаться своим приятным воспоминаниям, он повернул за угол и чуть не врезался в спину огромного парня, весившего явно за сто килограммов. Тот стоял, положив ладони своих больших рук на плечи двух других ребят, и что-

то им объяснял. Столяров, чуть притормозив, чтобы не налететь на верзилу, обошёл компанию стороной и уже направился дальше, как вдруг услышал резкий окрик. Мощный низкий голос принадлежал не иначе, как тому самому здоровяку.

– А ну, стоять, – прорычал тот, и за спиной послышались тяжёлые торопливые шаги.

– Точно, это он, – донёсся до Андрея другой – тоненький голосок.

Столяров развернулся лицом к компании, которая осталась у него позади, и надо сказать, что сделал он это вовремя. Ещё не развернувшись до конца, Андрей краем глаза заметил летящий в его голову огромный кулак. Реакция спортсмена не подвела. Он легко поднырнул под руку здоровяка и тяжёлая «гиря» пролетела над его головой. Драться не хотелось. Во-первых, настроение было не то, а во-вторых, он уже не раз видел этих парней после того, как приехал сюда, и портить отношения с местными жителями абсолютно не входило в его планы. Войдя в изменённое состояние сознания, Столяров ощутил привычную уже для него липкость окружающего пространства, – время замедлило свой ход. За очередной попыткой здоровяка нанести удар Андрей наблюдал с улыбкой на губах. Он проследил глазами за тем, как медленно приближается к нему кулак другой руки амбала и, подпустив его почти вплотную, сделал лёгкое движение головой в сторону, проводив взглядом теперь уже уда-

ляющийся по инерции объект. Прежде чем последовала новая серия ударов, Андрей успел рассмотреть и свирепое лицо громилы, и удивлённые лица его спутников. Последующие удары Столяров также не пытался отражать и не проводил контратаку. Каждый раз, дождавшись максимального приближения кулака к его голове или телу, он делал быстрый, короткий уход чуть в сторону, и очередной удар вновь проваливался в пустоту, не находя своей цели. Так продолжалось довольно долго. Силы и выносливости здоровяку было не занимать, однако он был явно не спортсмен, а поэтому всё же настало время, когда намахавшись по воздуху, его руки обессиленно опустились вниз. Его друзья, молча наблюдавшие всё это время за тем, что происходило у них на глазах, тоже застыли с открытыми ртами. Такого шоу в своём небольшом и ничем неприметном посёлке они не видели ни разу в жизни. Обычно Коляннич расправлялся со своим оппонентом в течение нескольких секунд, буквально с одного удара. Удивлён был и сам здоровяк. Тяжело дыша на своего противника свежим перегаром, он, похоже, никак не мог понять, как же так получилось, что ни один из его ударов, несмотря на прилагаемые усилия, так и не достиг цели. Андрей вернулся в своё обычное состояние и без всякой злобы, спокойно спросил:

– Ребята, может всё-таки скажете, в чём дело? Я человек новый, возможно, чего сделал неправильно, так давайте разберёмся спокойно, зачем же сразу в лицо кулаками тыкать.

– Ты... Ты... – только и смог выговорить здоровяк, всё ещё не в силах овладеть дыханием и эмоциями, захлестнувшими его во время бесполезного занятия по взбиванию воздуха.

Через минуту, кое-как отдышавшись, Коляныч всё-таки смог выговорить то, что хотел сказать.

– Ты чего к нам припёрся? – ещё немного хватая воздухом, прохрипел он.

– Так я вроде бы не к вам, – удивился такой постановке вопроса Андрей.

– Я имею в виду наш посёлок.

– Так дело у меня здесь есть.

– наших девок портить приехал? – напрямую задал вопрос здоровяк.

– А зачем мне ваши девки, у меня своя есть, – спокойно ответил Столяров.

Его спокойствие немного убавило горячности у собеседника, но информация, полученная от их нового знакомого Лёхи, не давала покоя.

– Мне тут нашептали, что ты у себя дома чужую невесту попортил.

– Так обманули тебя, брат, – всё также невозмутимо и весьма дружелюбно ответил Андрей. – Ну и мне, конечно, интересно было бы узнать, кто ж это такую чушь про меня тебе нашептал?

– Да вот он, – Коляныч повернулся к своим товарищам

и только сейчас обратил внимание, что Лёхи среди них нет.

– Кто из них? – взглянув в указанном направлении, попытался уточнить Андрей.

Амбал покрутил ещё головой, шаря глазами по окрестности, но, не обнаружив того, кого хотел увидеть, крикнул своим друзьям:

– А где этот?

Те поняли, о ком идёт речь, и тоже начали вращать головами по сторонам. Результат был тот же, что и у Коляныча. Пока всё их внимание было приковано к событиям, происходящим перед ними, никто не обратил внимания, куда делся их новоиспечённый друг Лёха.

– Вот только что здесь, – Петруха указал пальцем на лужу рядом с собой, – вот на этом месте стоял... Сбежал, получается.

– Ребята, – вновь обратился Андрей к местным парням, – я не знаю, кто и что вам наговорил, но тут явно какая-то ошибка.

Коляныч, несмотря на выпитую дозу алкоголя, был самым трезвым из своей немногочисленной компании, а потому начал понимать, что здесь, действительно, что-то не то. Обвиняемый спокоен и ничего не боится, а обвинитель таинственным образом исчез, будто его и не было никогда.

– Слушай, – уже более спокойно обратился он к Столярову, – так ты это, действительно, не портил девку там, у себя дома?

– Да не портил я никого, – Андрей немного повысил голос, – откуда у вас такие мысли?

– Да не мои это мысли, а... Ладно, проехали, – махнул рукой Коляныч, – будем считать, что ошибка вышла. Давай мириться что ли? Меня Колянычем зовут.

– Меня Андреем, – Столяров краешком пальцев обхватил для рукопожатия протянутую ему широченную ладонь.

– У тебя курить есть? – спросил Коляныч по привычке, хотя у самого в кармане лежала только начатая пачка сигарет.

– Нет, Коля, я не курю.

Стоявшие до сих пор в сторонке ребята подошли поближе и тоже познакомились с учеником лекаря.

– Слушай, а как ты это делал? – спросил Петруха, угощая остальных друзей сигаретами.

– Чего делал? – не понял Андрей.

– Ну это, – Петруха изобразил боксёра, уклоняющегося от ударов противника.

– А, это... – улыбнулся Столяров. – Так годы тренировки.

– Так ты боксёр что ли? А Лёха вот говорил, что ты массажист.

– Не, ребята, я и не то и не другое, – Столяров снова засмеялся.

– А кто ты тогда? – в голосе Петрухи послышались нотки разочарования.

– Я, ребята, на лекаря учусь. А спортом с самого детства

занимаюсь.

– А чо, у вас в Донецке на врачей не учат? – это вступил в разговор, молчавший до сих пор Игорёк.

– На врачей-то учат, но вот такому, как ваш Никодим, ни один медицинский институт обучить не сможет, – развёл руками Андрей. – Если бы в городе был кто-нибудь, кто мог бы по своему мастерству сравниться с Никодимом, чего бы тогда я сюда приехал.

– И чего, хочешь сказать, что наш захолустный доктор знает больше, чем профессора в вашем институте? – не унимался Игорёк.

– Видишь ли, я и сам не понимаю, как так получается. Каждый год выпускают сотни врачей, специалистов разных профилей, а больных вот в больницах почему-то всё не уменьшается. Вот только когда эти выучившиеся в институтах доктора закормят своего пациента пилюлями, тогда тот плюёт на всю их учёность и приезжает к вашему захолустному лекарю, и он поднимает больных с кровати и вылечивает то, что городские сделать не смогли.

– Так что, выходит, Никодим, действительно, хороший лекарь, не шарлатан? – допытывался любознательный Игорёк.

– Хороший, не то слово, он целитель, что называется, от Бога. Разве к шарлатану такие очереди будут каждый день стоять? – теперь задал вопрос Андрей.

– Так ты, стало быть, у Никодима в учениках? – будто размышляя сам с собой, спросил Коляныч.

– Стало быть, так оно и есть, – подтвердил Столяров.

– А научился уже чему-нибудь?

– Ну, могу уже кое-что.

– А такое вылечить можешь? – Коляныч закатил рукав куртки и показал приклеенный крест-накрест к руке лейкопластырем марлевый тампон. – Вторую неделю гноится и не заживает.

Андрей положил свою ладонь на повязку Коляныча и прикрыл глаза. Увидел особым зрением блок на энергетическом канале, сделал несколько манипуляций пальцами вдоль этого канала. Ощутил, как энергия потекла более свободно, и ещё раз повторил свои манипуляции. Теперь канал был прочищен, и можно было рассчитывать на быстрое выздоровление.

– Ты, случайно, не ушиб руку? – спросил Столяров, окончив лечение.

– Было дело, – подтвердил его догадку Коляныч, – доской ударил сильно.

– Понятно. Ну, думаю, что через пару деньков заживёт, только мазь не забывая прикладывать, чтоб ранка не засори-лась и быстрее затянулась.

– И что, вот это и всё? – засомневался в эффективности проделанных Андреем манипуляций здоровяк.

– Всё-всё, не сомневайся. Завтра убедишься, – улыбнулся ученик лекаря скептицизму своего первого пациента, которого он лечил сам, без надзора со стороны учителя.

– Ладно, посмотрим, – всё ещё с сомнением в голосе сказал Коляныч, закатывая рукав. – Если пройдёт, с меня бутылка.

– Спасибо, друг, но я не пью.

– Чё ты за мужик такой? Не курю, не пью... – довольно похожим на Андрея голосом передразнил Игорёк.

– Да потому что понял, что не хочу травить себя, а хочу быть здоровым и не болеть.

Поговорив ещё немного, Андрей попрощался со своими новыми знакомыми и продолжил свой путь по ночному посёлку. Сегодня, за несколько последних дней, впервые не было дождя. Днём из-за редких облачков выглядывало солнце, а сейчас в разлившихся по дороге лужах отражались многочисленные пуговки звёзд и располневшая в течение двух недель луна.

Компания парней, тем временем, пошла в своём направлении.

– Чёрт, – ругнулся Петруха, когда перед ними промелькнула чёрная тень, – опять этот кот. И не спится ему у бабки Матрёны, шастает по ночам, людей пугает.

Он сплюнул три раза и, подождав пока его товарищи пересекут условную черту, оставленную пробежавшим животным, двинулся за ними дальше.

Глава 5

Хмурое осеннее утро не прибавляло оптимизма и вряд ли могло развеять грусть, от которой уже несколько дней не могла избавиться Светлана. Небо было затянуто облаками, а по стёклам медленно стекали капельки холодного дождя. Сегодня был выходной, но девушка проснулась, как обычно, рано. Полежав немного с закрытыми глазами, она снова незаметно погрузилась в дремоту, но тут же вновь резко проснулась от громкого звука разбившейся посуды. «Опять баба Дуся что-то на кухне разбила», – подумала Светлана и, накинув халат, поспешила к «месту происшествия». Войдя на кухню, девушка убедилась в том, что не ошиблась в своих выводах. Старушка, опираясь левой рукой на стол, правой пыталась веником собрать в кучку черепки разбитой тарелки. В последнее время у Евдокии Нестеровны сильно болела нога, и она с трудом могла на неё опираться. Палочки у неё не было, поэтому ей приходилось помогать себе руками, держась то за стол, то за ручку двери, то за другие предметы мебели. Одной свободной рукой было очень неудобно что-либо делать, и сегодня это был уже третий случай за неделю, когда посуде не повезло. Сначала была разбита тарелка, вчера – чашка, и вот сегодня ещё одна тарелка приказала долго жить.

– Баба Дуся, ну я же вам говорила, что не нужно самой

браться за посуду. Вы всегда говорите мне, и я всё сделаю, что вам нужно, – в который раз попыталась вразумить девушка неугомонную старушку, забирая у неё веник.

– Ты же спала ещё, что ж я буду тебя из-за всякой мелочи будить. Поспи хотя бы в свой выходной.

Светлана быстро смела черепки, разлетевшиеся по всей комнате, на совок, выкинула их в мусорное ведро и, повернувшись к Евдокии Нестеровне, с улыбкой сказала:

– Баба Дуся, вас не перевоспитаешь. Вы как маленький ребёнок, говоришь вам, говоришь, а вы всё своё. Вот, разби-ли ещё одну тарелку, и меня всё равно разбудили.

– Ты меня прости, деточка, иди, ещё полежи, я сама потихоньку здесь...

– Евдокия Нестеровна! – голосом строгого воспитателя детского сада начала Светлана, – давайте ещё раз договоримся, что вы не будете братья за какие-либо дела сами, если я дома, и не важно, сплю я или не сплю. Хорошо?

– Ладно, ладно, Светочка, хорошо, не буду, – в который раз пообещала старушка.

– Вот и договорились, – ответила Светлана, несколько не сомневаясь, что и в следующий раз будет всё точно так же.

Конечно, всё это старушка делала не из вредности. Она очень привязалась к своей квартирантке и любила её, как свою внучку, а потому старалась, по возможности, не беспокоить девушку по пустякам, и сама пыталась делать мелкую работу, не требующую больших усилий. Вот только получа-

лось это у неё всё хуже: и руки стали слабее, и ноги всё чаще подводили.

– Так что вы хотели с тарелкой-то делать? – спросила Светлана, помогая Евдокии Нестеровне присесть на кухонный табурет.

– Да вот, кашки хотела сварить на завтрак, – словно извиняясь, ответила та.

– Сейчас я всё сделаю. Вы какую кашу хотите?

– Пшёнки мне что-то захотелось.

– Сделаю вам пшёнку, – сохраняя на лице улыбку, как учил её Андрей, сказала Светлана.

На всякий случай она заглянула в холодильник, чтобы вспомнить, что там есть, и к радости обнаружила половинку тыквы, которую купила ещё на прошлых выходных. Она достала завёрнутый в пакет овощ и, показывая его старушке, торжественно объявила:

– Сегодня у нас на завтрак будет тыквенная каша с пшеном! Как вы на это посмотрите?

– С удовольствием посмотрю, – ответила, просияв улыбкой, баба Дуся.

Когда каша была сварена и разложена по тарелкам, они присели за стол и приступили к завтраку. Не спеша, медленно разжёвывая – так тоже посоветовал Андрей; Светлана задумалась о нём, и настроение вновь резко ухудшилось. Она всей душой хотела быть с ним рядом, но у них всё время это почему-то не получалось. Сначала он долго работал у сво-

его директора на даче, и они виделись за это время всего несколько раз. Потом, когда он, наконец, закончил работу, они провели вместе всего пару недель, которые пролетели незаметно, особенно если учесть, что она ещё и работала сутки через двое. И вот снова разлука. На этот раз он уехал ещё дальше – учиться у знахаря. Этот деревенский лекарь приезжал к Андрею в больницу, когда тот лежал у них в реанимации. Видимо, тогда тот и положил глаз на её возлюбленного и, возможно, предложил ему сменить сферу деятельности. Странная смена профессий, со столяра на лекаря, удивляла Светлану. «Может, это он, глядя на меня, на то, что я медик, и решил изменить свою жизнь, – думала она, – но только зачем мне эти жертвы? Лучше бы был здесь со мной, а не пропадал в каком-то захолустном селе».

Евдокия Нестеровна, сидя напротив девушки и наслаждаясь любимым блюдом, сразу заметила перемену в её настроении и, проглотив очередную порцию каши, спросила:

– Что ж ты грустная сегодня такая, деточка, погода влияет или на работе неприятности?

– Да нет, баб Дусь, всё в порядке, так, взгрустнулось немного.

– Понятно... – старушка хитро прищурилась, – за Андрюшей соскучилась.

Она произнесла это не в виде вопроса, а как утверждение, и Света, оторвав взгляд от тарелки, подняла глаза на свою домохозяйку. Их взгляды встретились – и тотчас, словно забыв

о том, где она сейчас находится, Евдокия Нестеровна погрузилась в далёкие воспоминания. Её рассказ начался как бы сам собой, без всяких предисловий, будто давно зрел в сердце старушки, но только не было ни подходящего слушателя, ни подходящего момента, чтобы он сорвался с её языка.

* * *

Вечерело, и где-то на краю села послышался звук гармошки. Услышав его, Дуся, молодая девушка девятнадцати лет, замерла, прислушиваясь к доносившимся издали переливам мелодии. Выждав несколько секунд, она загадочно улыбнулась и, отложив в сторону вышивку, стала поспешно собираться. Одев свой новый сарафан, Дуся заплела потуже свою гордость – толстую, русую косу с яркими цветными лентами – и выскочила на порог, чуть не сбив с ног свою младшую сестру Галину. Та состроила ей смешную рожицу и показала язык. Дуся показала в ответ свой и, рассмеявшись своей детской выходке, на ходу накинула на плечи большой цветастый платок и направилась к воротам. Солнце уже спряталось за соседней рощей, и теперь оно, словно театральная рампа, подсвечивало из-за горизонта редкие облачка, раскрашивая их в яркие оранжево-красные цвета.

– Опять к своему гармонисту бежишь? – с чуть заметной насмешкой в голосе крикнул ей вслед отец, возившийся во дворе с колесом от телеги. – Смотри мне, чтоб долго там не засиживалась.

– Хорошо, папа, – ответила девушка, не оборачиваясь,

уже от самой калитки.

Был август сорок пятого года. Ещё не позабылись те бесконечные и жестокие пять лет войны, ещё не все выжившие в той войне вернулись домой. В их село пришла не одна похоронка, а из тех, кого ждали, вернулся пока что только потерявший в сражении ногу бывший бухгалтер совхоза, которого сразу восстановили в должности, да на прошлой неделе, весь в орденах – Мишка-гармонист. Высокий черноволосый парень, родители которого погибли в оккупации, сразу стал объектом пристального внимания местных девушек. Много жизней унесла проклятая война, много жён она сделала вдовами, а невест оставила без женихов, поэтому на Мишку поглядывали как подрастающие девицы, так и те, что остались без мужей. Не исключением была и Дуся, которой гармонист приглянулся ещё до того, как он ушёл на фронт, вот только тогда на четырнадцатилетнюю девчонку он даже не смотрел. Теперь, по прошествии пяти лет, она из угловатого подростка превратилась в стройную, с округлившимися формами, красавицу, на которую парень теперь смотрел совсем по-другому. Точнее, даже не так. Отважный орденосец, получивший ранение в грудь и побывавший во многих переделках, в каждой из которых рисковал потерять жизнь, при появлении Дуси сразу опускал глаза и становился каким-то робким и нерешительным.

С его возвращением вновь возобновились молодёжные посиделки на краю села. Сигналом к их началу служил звук

Мишкиной гармошки, разлетавшийся далеко вокруг и сопровождавшийся красивым мужским голосом, который тоже был в наличии у музыканта. И музыка, и особенно приятный тембр его голоса какими-то доселе непривычными тёплыми волнами расходились и вибрировали по всему телу Дуси, каждый раз заставляя замирать и вздрагивать её сердечко от прокатившейся очередной волны. «Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой», – пел Мишка своим лирическим тенором, лихо перебирая кнопки своего старенького инструмента, когда девушка, отдышавшись и приосанившись, присоединилась к постепенно собирающейся компании. Гармонист, как обычно, приподнял голову и, встретившись с ней взглядом, еле заметно улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, а он, засмутившись, словно школьник, тут же опустил глаза на свою «Тальянку» и, добавив громкости в голосе, продолжил: «Пусть он вспомнит девушку простую, пусть услышит, как она поёт...».

Когда Мишка спел ещё несколько песен, закончив лирической «Тёмная ночь», его начали просить рассказать чего-нибудь из армейской жизни. Рассказывать про свои подвиги парень не любил, а потому начал, как обычно, отговариваться. Тогда компания, будто сговорившись, посмотрела на Дусю. То, что парень был к ней равнодушен, было для всех очевидным, и её влияние на героя также нельзя было не заметить. Девушка покраснела и несколько смущённо и робко произнесла:

– Миш, ну пожалуйста, расскажи что-нибудь.

Тот с укоризною взглянул на Дусю, как бы говоря: «Ну зачем ты заставляешь меня делать то, что мне не нравится» – однако отказать был не в силах и просьбу девушки удовлетворил. Служил Мишка в разведке. В окопах ни ему, ни его сослуживцам из разведдвзвода отсиживаться не приходилось, а потому ему было что поведать молодёжи, которая, к счастью, не видала всего того, что повидали они, делая вылазки за линию фронта. Рассказывая о том трудном периоде своей жизни, парень, тем не менее, никогда не хвастал своими подвигами, но всячески старался выделить заслуги своих соратников. Ребята и девчата слушали затаив дыхание, иногда задавая вопросы. Мишка степенно, как повидавший жизнь старик, отвечал на них, а когда возобновлял свой рассказ, то не забывал украдкой заглянуть в восхищённые Дусины глаза. Когда вечерние посиделки подошли к концу, а на звёздном августовском небе появилась полная луна, все начали потихоньку расходиться. Бывший солдат закинул, словно автомат за спину, выполнившую на сегодня свою работу боевую подругу – гармонию. Вот только сегодня не ушёл, как в прежние дни, домой, а наконец-то отважился предложить Дусе проводить её. Та, уже давно мечтавшая о таком предложении, с удовольствием согласилась. Парочка молча пошла по неровной сельской дороге. Обоим сейчас было так хорошо и приятно от того, что они, наконец-то, вместе, что говорить о чём бы то ни было совсем не хотелось, хотя в голове

у каждого крутились тысячи прекрасных слов, готовых сорваться с языка. Мишка провёл девушку до ворот её дома, и они ещё долго болтали до тех пор, пока одна из створок не приоткрылась и оттуда не появилась голова матери.

– Дусенька, девочка, – тихо проговорила она, с укоризной взглянув на парня, – иди домой, папа уж серчает.

– Хорошо, мама, уже иду, – девушка бросила прощальный взгляд на Мишку и, улыбнувшись, поспешила вслед за матерью.

На следующий день всё повторилось, а потом и на следующий, пока их прогулки под луной не стали нормой. Теперь маленькая проныра Галинка называла их не иначе как «женых и невеста», на что Дуся притворно злилась и шутивно пыталась догнать малявку, чтобы отшлёпать. Это доставляло радость младшей сестрёнке и оживляло приятные воспоминания о встречах с Михаилом у старшей. Отец больше не ругался, лишь строго поглядывал на дочь, когда та возвращалась, по его понятиям, уж слишком поздно, а мать прятала улыбку, тихонечко радуясь за свою старшенькую дочь.

В один из вечеров подогреваемый пламенем своих чувств и подгоняемый ритмом своего влюблённого сердца Мишка бодро шагал к месту встречи со своей возлюбленной. Вдруг его окликнула молодая черноволосая девушка, стоявшая возле двора, мимо которого он проходил. Мишка не раз видел её на сельских молодёжных посиделках, и она так же, как и многие другие девчата, бросала недвусмыслен-

ные взгляды на музыканта. От взглядов этой девушки у парня по спине почему-то всегда пробежала непонятная, еле заметная дрожь. Звали девушку несколько необычно – Гертруда, и была она не местная, а из немецких переселенцев, приехавших в их село накануне войны в сорок первом году. Все приезжие семьи местное правление совхоза обеспечило жильём. Ей с матерью тоже выделили старенький домик, где они и проживали до сих пор. Во время войны, когда германская армия оккупировала Донбасс, все немецкие семьи уехали в неизвестном направлении, а Шульцы – такая фамилия была у матери с дочкой – каким-то чудом задержались. За всё время оккупации немцы, как ни странно, не проявили к этим женщинам никакого интереса, как, впрочем, и советское НКВД в послевоенное время.

– Мишань, не подсобишь, – спросила чернобровая немочка, одарив парня лучезарной улыбкой, и в её тёмных и глубоких, как бездна, глазах, точно искры, вылетевшие из костра, закружили, заиграли бесенята.

– А чего нужно-то? – поинтересовался тот, притормозив у недавно поставленного нового забора и исподволь окидывающая оценивающим взглядом стройную фигурку девушки.

Про эту семейку ходили разные не очень хорошие слухи. Поговаривали, что, якобы, мать Гертруды ведьма, и что она насылает на не угодивших ей односельчан всякие порчи и прочие сглазы. Но только комсомолец, да ещё бывший боец Красной Армии, в эти сплетни, конечно же, не верил:

«Мало ли о чём народ судачит...»

– Да вот, карниз новый приобрели, прикрепить не можешь? – спросила Гертруда, продолжая лукаво стрелять глазками.

– Так, я это... – замялся было Мишка, но тут же, словно забыв, что хотел сказать, произнёс: – Помогу, конечно.

– Тогда пошли, – девушка, не сводя с парня глаз, сделала приглашающий кивок головой и, изобразив изящный разворот, первая направилась в сторону дома.

Своими мыслями Мишка был сейчас где-то у реки, рядом со своей Дусей, однако цепкий взгляд молодого мужчины и разведчика не смог не оценить ладную фигурку хозяйки дома, подчёркнутую приталенной блузкой. Вслед за ней он вошёл в старенькую, но довольно ухоженную избу. В небольшой комнате с двумя кроватями, в которую они попали, миновав гостиную, возле окна действительно стоял новый карниз, а возле него лежали молоток и гвозди. Оценив опытным взглядом объём и порядок выполнения работ, Мишка в течение нескольких минут водрузил карниз на положенное ему место, один лишь раз поинтересовавшись у хозяйки, ровно ли он его расположил. Та, облокотившись спиной на лутку двери и скрестив на груди руки, с таинственной улыбочкой наблюдала за тем, как ловко парень справляется с заданием. Закончив работу, Мишка, отойдя в сторону, сам критически взглянул на простенькую деревянную конструкцию и, убедившись, что всё сделал правильно, кивнул сам

себе в знак одобрения.

– Ну, я пойду, – буркнул он, поворачиваясь к двери.

– Куда ж ты так торопишься, Мишенька? – проворковала Гертруда ангельским голоском, – я уж и на стол накрыла, мастерового ведь угостить полагается.

– Да что там я такого сделал, – вяло попытался протестовать мастер, но хозяйка мягко, но настойчиво подталкивала его в соседнюю комнату, где действительно был накрыт стол. «И когда только успела, – подумал Мишка, – всё время ведь возле меня крутилась?» Он присел на край табурета, всё ещё чувствуя неловкость и за угощение, которого он, практически, не заработал, и за то, что сейчас в условленном месте его уже давно ждёт Дуся и, наверное, волнуется.

Хозяйка за стол не садилась, она сняла крышку с чугунка, стоявшего на столе, и оттуда повеяло аппетитным запахом овощного рагу с мясом, приправленного ароматными травами. Начерпав деревянной ложкой в Мишкину миску ароматное блюдо из чугунка, Гертруда пододвинула ему пару ломтиков чёрного хлеба и налила в стаканы красного вина из небольшого глиняного кувшина.

– Спасибо тебе, Мишенька, что не отказал в моей просьбе, – сказала девушка и подняла свой стакан.

Парень хотел было отказаться от вина, но только лишь открыл рот, чтобы сказать об этом хозяйке, как та опередила его:

– Не обижай меня, Мишенька, выпей со мной за то, чтобы

карниз исправно служил, да за моё здоровье.

– Ну, если за здоровье, – промямлил парень и, подняв свой стакан, чокнулся им с хозяйкой.

Вкус у вина был несколько необычный. Приятная терпкость сочеталась с чем-то ещё, едва уловимым, а потому парень не смог определить, что именно придавало напитку этот привкус, да и не та ситуация была, чтобы в этом разбираться. Он выпил половину стакана и принялся за рагу. Девушка же лишь пригубила и, не спеша вкушая свою стряпню, с интересом поглядывала на то, с каким аппетитом поглощает пищу её гость. Управившись с едой, Мишка допил оставшееся вино и, поблагодарив Гертруду за угощение, направился к выходу. Остановившись у дверей, оглянулся и сказал:

– Спасибо, хозяйка, за хлеб да соль, пойду я. Будь здорова.

– Иди, Мишенька, иди, – улыбнулась ему радушная хозяйка, а когда за гостем затворилась дверь, сама себе тихонько произнесла, – иди, всё равно ко мне вернёшься, никуда ты теперь от меня не денешься.

– Прости, что задержался, – неловко оправдывался Мишка, крепко обхватив подбежавшую к нему девушку за талию.

Сделав со своей возлюбленной оборот вокруг своей оси, парень аккуратно опустил Дусю на землю и, сняв с себя пиджак и накинув на плечи девушке, вновь обхватил её хрупкое податливое тело своими сильными мозолистыми руками. Она не стала слушать больше никаких объяснений, а, взяв Мишкину шею своими жаркими ладошками, притянула

его голову к себе и прильнула к шершавым, обветрившимся на ветру губам. В предвкушении наслаждения Дуся прикрыла глаза, однако слиться в сладострастном поцелуе не получилось. Парень неожиданно отпрянул от её лица и как-то удивлённо на неё посмотрел. Та не поняла, в чём дело и, предположив, что он с ней так играет, решила ещё раз попытаться его поцеловать. Мишка снова отстранил её и, взяв девушку одной рукой за талию, как-то невразумительно пробурчал:

– Дусь, ты извини, давай просто погуляем.

– Ну, хорошо, – недоумевая по поводу произошедших изменений в любимом человеке, согласилась девушка, и они пошли по тропинке, спускающейся к озеру. «Может, это он из-за выпитого вина постеснялся со мной целоваться?» – предположила девушка, учуяв лёгкий запах перегара, исходивший от жениха. Они никогда, оставаясь наедине, не были многословны: Мишка – по складу своего характера, Дуся – из-за природной стеснительности, однако сегодня разговор вообще как-то не клеился. Девушка несколько раз пыталась заговорить, расспросить о том, как прошёл день, но каждый раз сталкивалась с молчаливым равнодушием собеседника, и вскоре и сама замолчала. Михаил, не спеша продвигаясь по извивающейся пыльной тропке, тоже словно позабыл о том, что сегодня так много хотел сказать своей девушке, о чём хотел с ней сегодня поговорить. У него на губах до сих пор оставался противный и тошнотворный запах про-

тухшего мяса, который он почувствовал во время прикосновения к губам своей будущей невесты. Он еле сдержал возникшие в организме позывы к рвоте, и сейчас изредка поворачивал голову в сторону Дуси и бросал на неё недоумевающие взгляды, а в его голове появлялись какие-то, будто чужие мысли. В серебристом свете взошедшей из-за горизонта огромной луны с его глаз будто упала всё время застилающая их пелена. «Как я мог влюбиться в эту длинноносую, с большими ушами страхолюдину, да ещё с таким тошнотворным запахом изо рта» – , удивлялся про себя Мишка, стараясь незаметно увеличить дистанцию между собой и девушкой. Он вспомнил свои мысли и мечты, которые посещали его в последнее время всё чаще, и на миг представил их двоих в интимной обстановке. От этой мысли Мишку передёрнуло от отвращения, и к горлу вновь подступила тошнота. Девушка, почувствовав эту кратковременную дрожь, спросила:

– Миша, тебе холодно?

Тот, погружённый в свои думы, сначала не понял, о чём Дуся его спрашивает, и неопределенно пожал плечами. Однако, сообразив в чём смысл её вопроса, он прикинул, что это может быть хорошим поводом для окончания свидания, поэтому, придав голосу немного страдальческих ноток, ответил:

– Да, знобит что-то. Может, приболел? Давай я отведу тебя домой и пойду, прилягу.

Они повернули назад в сторону села. В этот раз проща-

ние было коротким. Подойдя к Дусиным воротам, Михаил коротко буркнул:

– Ну, пока.

– До свиданья, – всё ещё удивляясь таким переменам в своём женихе, ответила девушка, и они разошлись в разные стороны, даже не подозревая, что уже навсегда.

Дуся списала такое поведение возлюбленного на его недомогание, а Мишка, возвращаясь домой, через минуту уже во все позабыл ту, с которой только что расстался, зато перед его глазами теперь постоянно стояло лицо красавицы Гертруды. Его словно магнитом потянуло к ней, и лишь большим усилием воли он отказался от безумной мысли навестить обаятельную немочку прямо сейчас. Всю ночь Мишка проворочался, не сомкнув глаз. Всю ночь ему мерещилась черноволосая и черноглазая Гертруда, а утром, не выспавшись, он пошёл на работу в совхоз. В дневной суете мысли в голове немного упорядочились, но к вечеру, с ещё большей силой, вернулись к предмету своей новой страсти. Еле дождавшись положенного времени, Мишка схватил за ремень гармошку и поспешил к месту сбора молодёжи. Пришёл, конечно, раньше всех и, не в силах сдерживать свои эмоции, запел лирическую песню из любимого довоенного кинофильма: «Тёплыми стали синие ночи, чтоб сияли, чтоб не спали молодые очи. . .» Песня хотя и исполнялась в оригинале женским голосом, но его голос также неплохо подходил для её исполнения.

К тому времени как Мишка закончил песню, подошли несколько человек, среди них была и Дуся, которая теперь прибежала на посиделки одной из первых. Никто даже не сомневался, для кого старается гармонист. Дуся, по обыкновению, присела рядом с музыкантом и пожирала его влюблёнными глазами. Осадок от неудачного вчерашнего свидания сразу улетучился, лишь только она увидела своего возлюбленного. Вскоре собрались все завсегдатаи вечеринок, но та, которую Мишка ждал, так и не появилась. Его вновь начали упрашивать рассказать о буднях разведчика, но сегодня он был непреклонен. Не помогли и просьбы Дуси. Он исполнил ещё одну лирическую песню, а когда понял, что ждать больше нечего, то, вопреки обыкновению, взял гармонь и, сказав в оправдание что-то невразумительное, покинул компанию. Дуся поспешила за ним, но, когда они отошли на некоторое расстояние, Михаил вдруг остановился и, развернувшись к девушке, негромко прошипел:

– Что ты увязалась за мной, как собачонка? Тебе что, делать больше нечего?

Он резко развернулся к Дусе спиной и зашагал в направлении дома Гертруды. Не ожидая такого поворота событий, девушка сначала в растерянности остановилась, а затем из её глаз брызнули слёзы. Она стояла и смотрела в спину удаляющегося возлюбленного, видела, как поблёскивает старым лаком за спиной гармонь, а по щекам бежали горько-солёные струйки обиды и горя. Девушка протянула вперёд пра-

вую руку, будто пытаюсь неведомой силой остановить свою любовь. Она сделала попытку его окликнуть, но из горла донёсся лишь слабый хрип: «Мишенька».

Прошла неделя с того злосчастливого вечера. Мишка на вечеринках больше не показывался, не слышно было ни его гармошки, ни его голоса, собирающих по вечерам молодёжь. По селу пошли слухи, что ведьмина дочка его приворожила. Слухи явно были не беспочвенные, так как, отработав смену в совхозных мастерских, парень торопился к дому Гертруды, где, словно тень, бродил вдоль забора в ожидании, когда его позовут. Услышав окрик хозяйки дома, он, точно преданный пёс, спешил на голос и, пожирая её влюблёнными глазами, ждал команды. И команды следовали незамедлительно: то вскопать огород, то накосить сена, то наколоть дров на зиму. После добросовестно выполненных работ хозяйка иногда поощряла своего бесплатного работника и любовными утехами, изматывая парня до полного изнеможения.

Прошла ещё неделя, и Мишку перестали узнавать. На некогда здоровом и крепком теле одежда начала свисать, как на жерди, его лицо посерело, а в глазах появился нездоровый блеск, присущий или маньякам, или умалишённым. Дома он почти ничего не ел, а его новая возлюбленная больше не отягощала себя заботой о его желудке. Зато работы по дому всегда было предостаточно, и парень, отработав смену в совхозе, продолжал без передышки трудиться ещё и у Гертруды.

Дуся тоже ходила сама не своя, но ничего не могла поделать. Она пыталась пару раз заговорить со своим теперь уже бывшим женихом, но разговора так и не получилось. Тот то ли делал вид, что её вовсе не знает, то ли действительно лишился ума и памяти. В последний раз Михаил всё же ответил девушке, да так, что лучше бы она этого не слышала. Обозвав бывшую возлюбленную весьма нелестными словами, он сильно толкнул её в спину. Девушка упала, разбила себе коленку, но парень лишь отвернулся и, не обращая внимания на горькие слёзы, в который раз за последнее время брызнувшие из Дусиных глаз, спокойно зашагал прочь.

Как-то после этого происшествия Дуся встретила на улице и саму разлучницу. В этот миг захотелось высказать всё, что наболело на душе за последние дни, да только, лишь они обменялись с Гертрудой взглядами, Дусе почему-то сразу перешло это делать. В глазах соперницы она увидела такую ненависть и такое презрение, что ей стало жутко страшно, и девушка поспешила ретироваться, чтобы не накликать ещё большей беды. Вослед ей полетели до боли обидные слова и громкий злорадный смех.

На исходе сентября в поседевшем худом мужчине с ввалившимися грустными глазами и впалыми морщинистыми щеками трудно было узнать ещё недавно весёлого, полного сил Мишку-гармониста. Теперь его сил вряд ли бы хватило даже на то, чтобы поднять свою любимую гармонь. Односельчане только тяжело вздыхали, видя, как этот ходячий

скелет, обтянутый кожей, словно призрак, бродит вдоль забора, где проживала ведьмовская семейка. Во двор его пускать перестали, не говоря уже о доме – брать с него уже было нечего. Всю силу, молодость и жизненную энергию у него отняли, высосали до последней капли, и теперь парень стал ненужным, как отработанный материал. Вот только для Мишки по-прежнему не было другого места, куда бы его тянуло с такой непреодолимой силой, как этот злосчастный двор.

Его всё чаще стали замечать возле прилавка магазина, где продавали спиртное. Сначала он покупал бутылку, шёл домой, выпивал, а после направлялся к дому ведьмы. Чуть позже, домой уже не заходил, выливая алкоголь прямо в горло у самого порога сельторга. Несколько раз он, напившись, пытался устроить у дома Гертруды скандал, однако лишь та появлялась из ворот, как вся его агрессия словно куда-то улетучивалась, и он опять превращался в покорного безобидного ягнёнка.

В конце октября бригадир трактористов из совхоза, проходивший возле бревна, на котором летом устраивала посиделки молодёжь, нашёл труп старика, лежавшего на сырой осенней земле лицом вниз и широко раскинувшего руки в стороны. О том, что это некогда был Мишка, можно было догадаться лишь по знакомой, хотя и изрядно потрёпанной одежде да большой родинке на шее. Был и ещё один немаловажный признак – гармонь, лежавшая рядом с этим стари-

ком, и которую он неизвестно как сюда притащил.

Похоронили Мишку скромно, за счёт совхоза. На могилке установили деревянный крест с табличкой, указывающей необходимые в таких случаях данные. После этого и в семье Дуси началась чёрная полоса. Сначала от воспаления лёгких умерла её младшая сестрёнка, а затем, не пережив такую потерю, ушли из жизни сначала мать, а за ней вскоре и отец. Девушка не стала дожидаться наступления лета, а собрав свои вещички, уехала из своего села в город.

* * *

Света вышла из забытья, услышав звук льющейся воды. Слушая старушку, она живо представляла себе описываемые события, целиком погрузившись в далёкое и не известное ей прошлое. Евдокия Нестеровна, меж тем доев кашу и видя состояние девушки, не спеша отнесла свою тарелку к мойке и сейчас полоскала её под горячей струёй воды.

– Баба Дуся, – встрепенулась Света, – ну, вы же обещали!

– Что? – переспросила та, прикрыв кран.

– Я говорю, что вы обещали не братья за посуду.

– Да-да, конечно, не буду, – словно находясь под действием наркоза, как-то задумчиво тихо ответила старушка, опуская вымытую тарелку на столешницу.

Света быстро поднялась со своего места и, протерев тарелку сухим полотенцем, поставила её на своё место в кухонный шкаф. Проделав эту манипуляцию, на которую у старушки ушло бы гораздо больше времени – и не факт, что

очередная тарелка не попала бы в мусорное ведро в виде осколков – Светлана вновь присела на табуретку и, уже без всякого интереса, быстро доела остывшую кашу. Присела на своё место и старушка.

– Баба Дуся, ну почему есть на свете такие люди, – прервала тишину девушка, – почему им всегда нужно сделать так, чтобы другим было плохо?

– Не знаю, деточка, – задумчиво ответила Евдокия Нестеровна, – я много думала об этом, да только не понять мне замысла Божьего. Не понимаю я, для чего допускает он такое. Умом понимаю, что Господь не может ошибаться, а значит, всё, что не даёт, то всё к лучшему. Да вот только сердечко не желает принимать это, болит сердечко-то. Не может оно отыскать во всём этом хорошее, как ни уговаривай.

Старушка замолчала, уставившись на рисунок клеёнки, расстеленной на столе. Её худенький, с прозрачной кожей палец водил по нарисованному цветку, повторяя контуры ярко-красных лепестков. Порыв ветра за окном ударил по стеклу каплями дождя. Небо затянуло чёрными тучами, и в комнате ещё больше потемнело. Две женщины: одна молодая, только начинающая взрослую жизнь, и другая, её уже почти прожившая – тихонько сидели за столом, задумавшись каждая о своём.

Глава 6

Тяжёлое тёмное осеннее небо за окном, которое, словно серый, потерявший от старости свою прежнюю окраску и надёжность брезент, время от времени протекало на землю холодным дождём. Такая погода всегда навевала Димке тоску и уныние. Не радовало его сейчас даже наличие старенького ноутбука, подключённого к интернету. Эти подарки ему сделал сосед по лестничной площадке, дядя Андрей, который жил этажом ниже и являлся хозяином его друга – домового Казимира. Уезжая на обучение к какому-то лекарю, он отдал Мите давно неиспользуемый и пылившийся на тумбочке ноутбук и оплатил два месяца интернета. Всё это, несомненно, было здорово, но огорчало мальчика то, что, несмотря на все его старания, у него уже давно не было прогресса в лечении своего недуга. Своими невероятными усилиями, а также при помощи домового Кузи, как Димка называл Казимира, он смог научиться шевелить некогда безжизненными пальцами ног, однако дальше дело не шло. Пальцы по-прежнему шевелились, но подняться на ноги он до сих пор так и не сумел. Казимир подбадривал его, говорил, что нужно продолжать тренировки, и он верил другу и продолжал, но ничего не менялось. Отсутствие результата, да ещё и изменившаяся за окном погода, совсем испортили Мите настроение. Всё чаще он предавался унынию, и в такие часы

ему ничего не хотелось делать.

Вот и сегодня, как когда-то ранее, ещё до появления в его жизни Кузи, Митя всё также сидел в своей каталке и, не мигая, смотрел в окно, на котором, будто капельки пота, несмотря на холодную погоду, появлялись и беззвучно стекали струйки дождя. Домовой молча сидел на своём любимом подоконнике и, покрытым густой шерстью пальцем, рисовал на пожелтевшей от времени краске какие-то невидимые и непонятные символы.

– А когда дядя Андрей вернётся? – прервал затянувшееся молчание Димка, переведя взгляд со стекла на друга.

– Я не знаю, – честно признался тот, – выучиться на лекаря – дело непростое и небыстрое. Но он человек умный, так что, надеюсь, у него это не займёт слишком много времени.

– Ну, хотя бы приблизительно, ну, например, через месяц приедет?

– Нет, через месяц он точно не приедет, разве, что только в гости.

– А когда он вернётся, он сможет мне помочь встать на ноги?

– Я же говорил тебе, что сможет. Он от рождения очень сильный целитель, только знаний у него не хватало – не знал, как это делать. Как научится, так и вылечит тебя. Он же тебе обещал?

– Обещал, – невесело протянул мальчик, вновь уставившись в окно.

Теперь его внимание привлекла муха, которая, попав между оконных рам, то появлялась и кружилась, жужжа и ударяясь о стекло, то вновь на некоторое время куда-то пряталась и умолкала. Сейчас она вновь совершала свои хаотические движения, которые были гораздо медленнее, чем это делали мухи в летнее время, но всё-таки она могла это делать. Димка внимательно следил за всеми её нелепыми передвижениями, и на глаза вновь навернулись слёзы. Ему вновь стало обидно, что все вокруг двигаются: либо занимаясь какими-нибудь делами, либо просто, как вот эта муха, проводят время впустую, а он остаётся всё таким же беспомощным калекой, который даже стоять не может на своих ногах.

– Не завидуй ей, – Казимир будто прочёл его мысли, – ей недолго осталось жить, а у тебя ещё вся жизнь впереди, и ты обязательно научишься ходить и даже бегать. Наберись терпения и продолжай заниматься.

– Тебе легко говорить, ты вон, не то, что ходить, ты летать можешь, а я сижу здесь, как бревно неподвижное. Ну почему всё так нечестно?

– Понимаешь, в жизни вообще не всё так просто, как кажется, и как хотелось бы. Я уже много лет нахожусь в вашем мире, всякое повидал, и могу сказать одно: для того, чтобы чего-то достичь, нужно много трудиться. Одного желания мало. Только самые настойчивые могут избавиться от любого недуга. Вера и усердие – вот залог любого успеха, как в лечении, так и в жизни. Не будет чего-то одного и всё – ничего

не добьёшься.

Димка слышал эти слова уже не первый раз, и хотя старался изо всех сил, но, в сущности, он был ещё ребёнок, который после упорных занятий хотел просто побегать, попрыгать... Но именно этого он сделать и не мог. У него ещё сохранились в памяти волшебные сказки, читаемые на ночь его бабушкой. В них всегда имелись какие-нибудь волшебные предметы, которые помогали героям преодолевать трудности и препятствия. Но у него, к сожалению, не было этих предметов.

– А почему никто не придумает такой эликсир, чтобы выпил, и сразу выздоровел? – спросил Митя, оторвавшись от созерцания мухи.

– Эликсир, говоришь? Да, эликсир нам бы не помешал, – ответил домовой, в свою очередь задумавшись о чём-то своём, – дал выпить, и ты уже знаешь, кто перед тобой.

– Это ты о чём? – не понял Димка.

– Да вот, послушай...

Вечернюю тишину спящего города разбудил гомон приближающихся голосов. Ведагор не спал. Он уже два дня ожидал визита горожан. Укутавшись потеплее в волчью шкуру, старый лекарь, не мигая, смотрел на незапертую входную дверь, в которую, и это он уже знал наверняка, с минуты на минуту должны были войти незваные визитёры. Долго ждать ему не пришлось, дверь без стука отворилась, и на пороге появилась делегация, состоящая из нескольких стари-

ков, входящих в совет правления города. Гомон, сопровождающий шествие людей, сразу стих, как только первый человек появился в проёме дверей. Пятеро мужчин ввалились в слабо освещённое помещение и, отвесив низкий поклон хозяину дома, остановились у порога, переминаясь с ноги на ногу и всё не решаясь начать разговор о том, что же их сюда привело. В тёплое, согреваемое большой печью, жилище, вслед за людьми, словно тайный лазутчик, проскользнул сырой и холодный уличный ветерок. Пробежав по полу и не найдя для себя ничего интересного, он вскочил на массивный деревянный стол и попытался задуть стоявшие на нём свечи, однако, уже изрядно растеряв свои силы по пути к ним, сделать это не смог. Поднатужившись в последний раз, он лишь слегка взволновал горячее пламя, сделавшееся на миг чуть ярче, и исчез неизвестно куда.

– Здрав будь, Ведагор! – наконец произнёс старейший из пришедших, мужчина с тёмно-русой густой бородой и взъерошенными на осеннем ветру длинными волосами, – вижу, что свет горит, вот и вошли без спросу.

– Здрав будь, Ратибор, здравы будьте и вы, добрые люди, – ответил старый лекарь, давно уж позабывший какого лета точно он родился. – С чем пожаловали?

Зоркие, несмотря на возраст, глаза старца прищурились в лукавой усмешке, которую, впрочем, никто не заметил. Оживлённо беседовавшие по пути сюда старики, войдя в дом, будто оробели перед старцем, который, несмотря

на их богатырский рост, был на пару голов выше самого высокого из пришедших. Не много осталось тех, кто когда-то выходил с обозом из Гипербореи. Старый лекарь был одним из них. С тех пор как был построен город, прошло немало лет, сменилось не одно поколение. Год от года люди, населяющие хлебнувшую горя и увеличившую силу притяжения планету, становились всё ниже ростом. В обмен на уменьшившийся рост, население получило мощный скелет с сильными, увеличившимися в объёме, мышцами тела. Это были настоящие богатыри, и всё же, когда они встречались с этим древним жителем, то на его фоне казались всего лишь подростками.

– Думаю, что ты и сам ведаешь о цели нашего прихода, – словно смущаясь перед старцем, произнёс Ратибор.

Чуть скрипнула боковая дверь, и в образовавшуюся щель просунулось заспанное лицо молодого парнишки с коротким, ещё мягким пушком вместо бороды. Все, как по команде, повернулись в ту сторону, только Ведагор продолжал смотреть на делегацию. Не отрывая взгляда от людей, стоящих у входа, он тихо и спокойно произнёс:

– Ступай спать, Богумил, чего вскочил, как взбалмошный.

– Так, я это, голос услышал... – прокашлявшись от хрипоты в голосе, ответил парень.

– Ступай, мне с мужами потолковать надобно. Ступай, говорю, – повторил старик уже более строгим голосом, зная, что юноша сейчас начнёт упрашивать его, чтобы остаться.

Дверь тут же затворилась, и в комнате вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием в печи сухих голешек.

– Ведаю, конечно, почто вы пришли, – обратился он к делегатам, – кому-то из старейшин, видать, худо стало. Не иначе, как поел чего нездорового.

– Ты прав. Остромысл захворал, по всему телу короста пошла. Мы звали его к тебе, да не захотел, сам, говорит, справлюсь с болезнью.

– Ой, ли? Осилит ли сам?

Ведагор ухмыльнулся в усы и не спеша обвёл взглядом всех присутствующих. Старики опустили головы, словно нашкодившая ребятня перед строгим родителем.

– Видать, прав ты был, – извиняющимся тоном ответил Ратибор, – зря мы тебя не слушали.

В том, что среди старейшин много лет назад появился инородец, ничего необычного не было. Не каждый может заслужить это право, ну а коль заслужил, значит, мил оказался люду его избравшему, а, стало быть, будь добр, управляй на благо города и его жителей. Остромысл был из потомков инородцев, некогда прибившихся к последнему обозу, покидающему замерзающую среди ледников Гиперборею. Ведагор хорошо помнил первых двух мужчин, которых они подобрали на своём долгом и трудном пути. С тех пор его постоянно посещали мысли о каких-то, невидимых с первого взгляда, особенностях этих пришлых. Что в них было не так,

кроме некоторых привычек, которые присущи любым чужакам, несмотря на свои недюжинные способности, он понять так и не смог. Сначала лекарь внимательно присматривался к этим людям. Потом же, когда суeta во время построения города и борьбы за выживание заняли в его сознании первое место, он позабыл про чужаков, тем более, что в пути к ним присоединилось ещё немало потерявшихся после катаклизма жителей планеты.

Шли годы, покинул этот мир их первый лидер – Арий, приведший из Гипербореи в эти места и своё племя и тех, кто к нему присоединился, а также заложивший первый каменный блок нового города. Управление после смены мерности вожака перешло к совету, избираемому жителями города. Чужаки, которые потерялись из поля зрения Ведагора, давно обзавелись семьями, женившись на таких же чужеземках, и нарожали множество наследников, продолжая и укрепляя свои Рода. Когда сменился не один десяток поколений, один из их потомков по имени Остромысл, проживший уже довольно долгую жизнь, вошёл в совет старейшин, управляющих их городом. И вновь, как и много столетий назад, древнего, как этот мир, Ведагора начали посещать почти забытые, где-то в том далёком прошлом, сомнения. Не нравился ему Остромысл. Вроде бы и не отличался ничем от остальных, да только мысли, которые ему не удалось укрыть от проникновенного взгляда лекаря, были у него какие-то тёмные. Всё он старался продвинуть в устоявшуюся

спокойную жизнь горожан законы или правила, не присущие изначально великому племени Асов. Всё он придумывал какие-то нечеловеческие взаимоотношения и расчёты за труд. Остальные члены правления не поддерживали нового члена совета, отвергая его предложения при голосовании, душой не принимая его инициативы, но тот вновь придумывал что-то новое и вновь озадачивал совет.

Ведагор, проживший к этому времени столь долгую жизнь и имеющий в своём багаже огромный жизненный опыт, а также сохранивший все свои сверхспособности, понимал, что его подозрения – это не пустой вымысел. Привыкший с давних пор полагаться на свою интуицию, которая уже давно не подводила старого волхва, он решил провести собственное расследование (благо людей, требующих лечения было немного) и, наконец-то, разобраться со своими давними сомнениями. То, что он разузнал, было малоприятным. Подключив, без объяснения причины, к своему познанию своего ученика Богумила, парня смышлёного и скорого на любую поручаемую ему работу, лекарь выяснил, что Остромысл поднялся к верхушке правления вовсе не благодаря людской любви и искреннему желанию видеть этого старца во власти. Всё было гораздо серьёзнее, чем он предполагал. Возвысился этот горожанин благодаря многочисленным, незаметным на первый взгляд, подкупам отдельных мужей и их семей. Имея в своём распоряжении хорошие плодородные земли, которые, к слову сказать, также были приоб-

ретены довольно сомнительным путём, он «помогал» в долг менее успешным землякам семенами, маслом и прочими мелочами. Оказывая такую помощь, он ненавязчиво намекал тем, кому помогал, что те теперь немного обязаны своему добродетелю. Когда же пришло время очередных выборов, Остромысл вновь слегка намекнул, что хотел бы пройти в совет, и доверчивые, по своей природе, жители той местности не отказались его поддержать.

Не брезговал этот горожанин и эксплуатацией деградировавших, но ещё сохранивших свой человекоподобный облик, отщепенцев, проживающих недалеко от города. Понижение вибраций Земли и изменение её климата не могло не сказаться на духовном и физическом развитии людей. Всё больше появлялось детей, которые не понимали законов природы и не хотели жить с ней в ладу. Общество, с веками устоявшимися обычаями и традициями, не могло равноценно принять таких недалёких людей. Поэтому те, достигнув совершеннолетия и не слившись в созидательном сотворчестве с остальными жителями города, покидали его, селясь поблизости в пещерах и образуя отдельные небольшие колонии. Про таких недоразвитых человекоподобных говорили, что он без яна, то есть, у него нет необходимого количества энергии ян, для нормального развития. В последствии, это определение превратилось в одно слово – обезьяна, а представители этого племени в дальнейшем окончательно потеряли свой человеческий облик. Сейчас же это была дешёвая

рабочая сила, которой и воспользовался Остромысл для работы на своих полях.

Узнав эти ухищрения, к которым прибегал новоиспечённый старейшина, Ведагор пришёл в негодование, однако жаловаться на члена совета он не пошёл. Старый волхв решил создать такое средство, которое позволило бы выявлять истинную сущность любого человека. Лекарь-алхимик задался целью приготовить снадобье, выпив которое, человек проявил бы всё, что есть у него тайного за душой. Честным и открытым согражданам, такой эликсир не смог бы повредить ничем, но смог бы вскрыть личину подлеца и злоумышленника. Задумка задумкой, но на осуществление своей затеи Ведагор потратил не один год. Благо, в этом занятии ему помогал его верный ученик, который заменял теперь старику его некогда быстрые и сильные ноги. В свои сокровенные замыслы наставник его не посвятил, чтобы тот невзначай не сболтнул кому чего лишнего. Не ведал юноша и того, что именно он отнёс под видом водки на собрание совета старейшин. Водкой в те времена называли не алкоголь, а воду из семи родников смешанную, при помощи магических действий, воедино, для укрепления организма и повышения его работоспособности. Иногда такую воду настаивали на травах, придавая ей ещё больше целительных способностей. Именно под её видом Ведагор и отправил в подарок старейшинам, заседавшим уже несколько дней для решения насущных проблем, изобретённый и изготовленный

им эликсир.

Ведагор обвёл стоящих перед ним и потупивших свой взор в пол стариков.

– Теперь-то об этом чего говорить, – продолжил прерванную воспоминаниями беседу лекарь, – вины в том вашей нет, что не распознали чужака. Вельми умело он скрывал личину свою от честного люда.

– Это да, – подтвердил Ратибор, – но ты нам токмо ответь, не заразна ли его хворь?

– Так как же это может быть заразным, коль вы все из одной братины пили, а беда токмо с Остромыслом и приключилась?

– Это что ж за водка такая была, что Остромысла так скрутило, что он человеческий облик начал терять?

– Эликсир я в неё добавил, который сущность с изнанки наружу выворачивает. А облик человеческий он начал терять из-за того, что не человек-то он, по всей видимости.

– Дак, кто ж он тогда, коль не человек? – вырвалось у стоявшего справа от Ратибора старика.

– Вот вместе и посмотрим, какая сущность из него вылезет, – улыбнулся лекарь. – Думаю, недолго ждать ещё понадобится.

Не успел он договорить, как за дверь в сенях послышались чьи-то торопливые шаги. Тут же дверь распахнулась, и в избу вбежал запыхавшийся от быстрого бега мужчина. Это был воевода, состоящий на службе по охране порядка

и спокойствия в городе. Такое внезапное появление этого достойного мужа не сулило ничего хорошего. И действительно, отвесив, как и остальные посетители, низкий поклон хозяину дома, он обратился к Ратибору:

– Старейшина, Ратибор, беда приключилась.

– Что за беда? – взволнованно спросил тот у вошедшего.

– Смертоубийство!

– Что-о-о?! – то ли удивлённо, то ли возмущённо протянул Ратибор.

Убийство у них в городе было чрезвычайным происшествием. Последний случай произошёл много лет назад, да и тот по неосторожности. На привычных кулачных боях, проводившихся на разные праздники, погиб от руки здорового мужика другой участник поединка, и всё из-за того, что первый не рассчитал силу удара. Только тогда, после этого происшествия, случайный убийца взял на себя всю ответственность по содержанию семьи погибшего.

– Так что же там произошло? – попытался выяснить подробности Ратибор.

– Так, ящер какой-то налетел на охрану городских ворот и растерзал троих насмерть, опосля чего открыл ворота и сбежал из города неведомо куда.

– Откуда ж он взялся, этот ящер? – недоумевал старик, сурово глядя на воина, будто тот был повинен в том, что произошло.

– Так неведомо откуда, – нерешительно оправдывался

тот. – Никто не видал его досель.

– Неведомо откуда, неведомо куда, – передразнил старик с серьёзным выражением лица.

Но тут вмешался в разговор хозяин дома:

– погоди, Ратибор, сейчас всё станет на свои места, – и, повернувшись в сторону боковой двери, крикнул, – Богумил, ходь сюда!

Тут же дверь отворилась, и на пороге появился всё тот же парень – ученик лекаря, будто стоявший с той стороны и ожидающий окрика наставника.

– Ну-ка, беги к дому Остромысла, да узнай, где хозяин и всё ли в доме ладно. Да живо мне, одна нога там, другая уже чтоб здесь была!

– Угу, – ответил юноша и с радостной улыбкой, что и ему нашлось задание в этом секретном деле, стремглав выскочил за дверь.

Воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь еле слышным дыханием собравшихся здесь людей да слабым потрескиванием свечей. В атмосфере помещения почти на физическом уровне ощущалось возникшее моральное напряжение, которое ещё больше возросло, когда на улице слышался приближающийся топот ног. Взгляды присутствующих, точно кинжалы, впились во входную дверь. Ещё несколько томительных секунд, и она, широко распахнувшись, впустила Богумила. Тот, вбежав в комнату, по привычке плотно притворил за собой дверь и немного стушевался

под пристальными взглядами стариков и воеводы.

– Ну? – поторопил его Ратибор.

Парень, тяжело дыша, попытался что-то сказать, но у него сначала ничего не получилось. Видно было, что он задыхается не только от быстрого бега, но и от волнения, которое ещё больше усиливалось от пронизывающих его взглядов. Наконец, немного овладев собой и дыханием, Богумил сказал:

– Нет нигде Остромысла, токмо ещё один убиенный около его дома лежит. Весь в кровищи, жуть просто.

Присутствующие теперь повернулись к Ведагору, вопросительно глядя на него.

– Вот вам и ответ на ваш вопрос. Не человек это был, а ящер под личиной человека, и эликсир мой его натуру-то наружу и вывернул. Показал, стало быть, его истинное лицо.

– Да как же так? – сокрушённо произнёс Ратибор, – как же он столько лет скрывался, и никто его распознать не смог?

– Умеют эти твари суть свою прятать, научились за столько-то веков. Не удивлюсь, если до утра ещё кто из города исчезнет, чтобы не распознали и его вдруг, – грустным голосом пояснил Ведагор. – Ну да ладно. Утро вечера мудренее.

– Да-да, – понял намёк Ратибор, и все дружно, поклонившись хозяину, торопливо вышли из дома.

– А ты чего, – наставник напустил видимую строгость в голосе, обращаясь к ученику, – тоже давай иди спать, поздно уж. Все дела завтра доделывать будем.

– А как... – хотел ещё что-то спросить парень, но встре-

тившись с суровым взглядом учителя, резво скрылся у себя в комнате.

* * *

– Кузя, а что, эти ящеры взаправду тогда жили среди людей? – спросил Димка, внимательно прослушав очередной рассказ своего друга.

– Ну, почему же жили? – домовый был сегодня какой-то непривычно задумчивый. Может и на него погода повлияла. – Они и сейчас среди нас живут.

– Что, правда? – немного испуганно спросил мальчик.

– Ты опять? – недовольно нахмурился Казимир, – я же тебе тысячу раз повторял, что я никогда не лгу.

– Ну, прости, Кузя, это у меня само вырвалось, я не хотел тебя обидеть.

– Ладно, проехали.

Димка невольно улыбнулся. Его всегда забавляло, когда его друг, живущий, по его словам, уже так много лет и обычно изъясняющийся непривычной речью со старинными словами, вдруг вставлял в свою речь современные словечки и выражения.

– А почему я никогда этих ящеров не видел? – задал мальчик очередной вопрос.

– Да потому, что их никто распознать не может. Если они в незапамятные времена умели скрывать свою сущность, то в наше время... В наши дни эти твари так научились микрироваться под обычных людей, что пока сами не покажут

свою сущность, то никто их не распознает, ну или, разве ещё, эликсира того выпьют. Вот после этого снадобья они теряют свои способности к мимикрии, и только тогда мы и можем увидеть их настоящую суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.